

**ГБУК «Псковская областная универсальная научная библиотека
имени Валентина Яковлевича Курбатова»**

Кабинет Валентина Яковлевича Курбатова

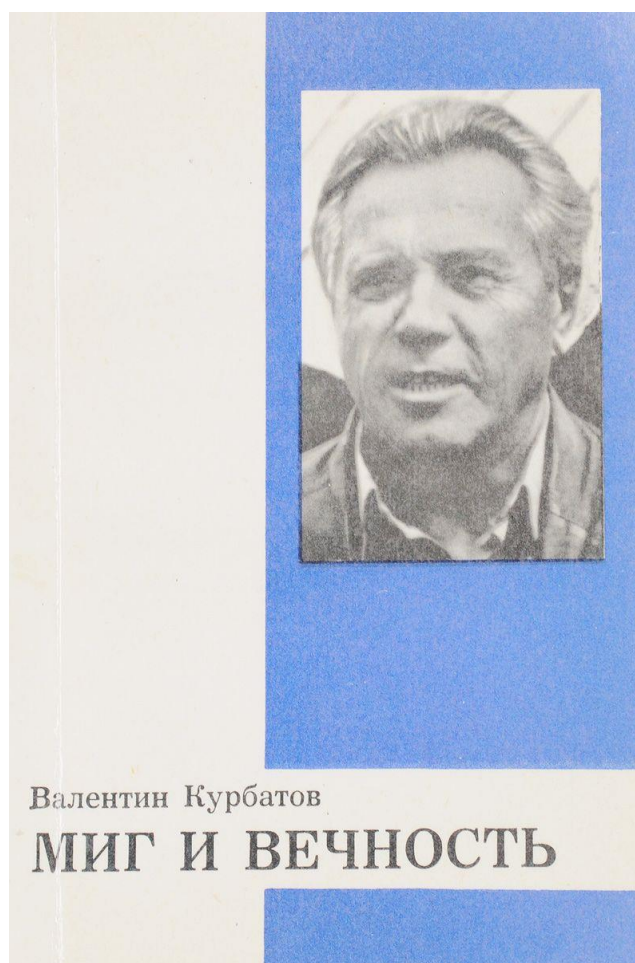
**Общественный проект по сбору цитат писателя, критика,
лауреата Государственной премии РФ Валентина Курбатова
«Цитаты из Курбатова»**

2023

Фотография из архива поэта, филолога Светланы Кековой

**Миг и вечность: Размышления о творчестве В.Астафьева / Курбатов
Валентин Яковлевич - Красноярск : Краснояр.кн.изд-во, 1983. - 150,[18]с.:ил .**

***

Имя Астафьева всё чаще стало попадаться в журналах, книги выходили, я сам начал что-то писать, а всё Астафьева не читал – кто же из нас в провинциальных городах читает своих писателей. Они могут завоевать мир, а свои ещё посмотрят – знаем мы его, он мимо за квасом ходит.

***

Дело в том, что русские книги о детстве начинаются с изломной поры. Хорошо просыпаться Николеньке, но он знает, что бедного Карла Ивановича сегодня уволят, и начинает день именно с него, чтобы своей любовью возместить кажущуюся несправедливость грядущего увольнения. Тёма у Гарина-Михайловского смотрит на сломанный цветок и знает, что ему не избежать порки и весь ужас ожидания этого унижения заставляет его вконец запутаться уже в первой главе. Алёша Пешков у Горького смотрит на мертвого отца и слышит крик только что родившегося брата и не может совместить смерть и рождение. Ни одна из этих книг не обмолвилась о том, что в будущем их мальчики станут писателями, но по обостренному взгляду в едва начинающее брезжить нравственное

понимание мира везде видно, во всяком случае, как росли сами эти большие русские художники, отдавшие маленьким героям лучшие чувства и мысли своего детства.

***

...Дети рождаются сразу, а писатели день за днем, от поступка к поступку, от чувства к чувству, от человека к человеку.

***

«Последний поклон» (повесть В. П. Астафьева – сост.) с достоинством и счастливой убедительностью подтверждал давнюю в нашей литературе правду, что русский писатель рождается самою своей родиной. Она одна его настоящая колыбель и воспитательница, и если он не забывает об этом в обольщениях последующей интеллектуальной жизни, то отчая земля не оставляет его во всей дальнейшей судьбе и рано или поздно дожидается от художника благодарного поклона.

***

В каждой книге он (В. П. Астафьев – сост.) хочет убедить нас, что дети всегда правы, особенно страдающие дети, и это по-человечески высокая и справедливая мысль, но запальчивостью она не доказывается.

***

Сердце художника как ожесточилось с началом работы над этими главами («игарские» главы повести «Последний поклон» В. П. Астафьева – сост.), душа как потемнела при воспоминании о голоде, беспризорничестве, унижении и острой отроческой ненужности своей, так до конца и не осветилась – всё время при чтении чувствуешь камень в душе и хочется распрямиться и вздохнуть посвободнее, а не выходит.

***

Случилось то, что в писательской работе случается часто: автор так плотно ушел в то время, в то психологическое состояние, так совершенно «перевоплотился» в мальчика, что уже не мог спокойно разрешать те необходимые этические задачи, которые встают перед всяким русским художником, когда он пишет зло жизни.

***

Но я все-таки продолжаю в этом случае стоять на своём и утверждать, что зло литературы, чтобы не вызвать ответного зла жизни, должно быть непременно уравновешено не стройным рядом придуманных добродетелей, а именно провидением конечной победы разумного начала.

***

Но как ни хороши книги и как ни чутко сердце, а однажды приходит пора явиться живому учителю. Всякое детство томится желанием найти Вожатого, безупречный авторитет, наглядное воплощение лучших черт. Желание это из-за остроты своей часто оказывается неразборчиво и приводит в ложные школы, искажает душу, а иногда и целую жизнь нетерпеливого искателя...

***

Писать военную часть биографии невоевавшему человеку – значит, только с большим или меньшим умением переписывать чужие книги. И самое тренированное мирное воображение, пытаюсь представить ежедневное обстояние человека смертью, или кидается в панику и пугает себя, темня краски до полной непроницаемости, или, что ещё хуже, начинает актерствовать и храбриться, пользоваться какими-то ложными «бывалыми» словами, которые неловко слушать.

***

К тому же внимательный читатель хорошей военной прозы давно мог заметить, что война для вплотную повидавшего её человека по мере удаления преобразается в сознании, и одно и то же событие в разные годы у одного прозаика может поворачиваться порой очень далёкими сторонами.

***

Очень тут видна русская кровь, наше вековечное милосердие: только что сами на краю стояли, сколько побито народу своего, а на мёртвого врага смотрят и будто это уже не враг, а просто заблудившийся человек.

***

Есть старая истина, что живой думает о живом, и какая бы ни шла война и как бы близко ни стоял человек к смерти, дух его продолжает искать утolenия, продолжает вглядываться в «сплетенье следствий и причин» и искать разрешения повседневных противоречий.

***

К «я» писателя, даже очень близкому к реальной биографии, надо всегда относиться с осторожностью, иначе оно непременно куда-нибудь заведёт, но остерегаться надо биографу, а читателю не надо никакой опаски, потому что всё-таки и в «Горсти спелых вишен» (*рассказ В. П. Астафьева – сост.*), и в анкете это один солдат и одно лицо по самой интонации памяти и миропонимания, и даже согрешив в факте, останешься верен правде духа, а это важнее.

***

Жизнь вплавляется в творчество и творчество – в жизнь, так что рвать иногда приходится по живому.

***

Понятно, что ему (*В. П. Астафьеву – сост.*) отраднее было бы писать о светлом существе человека и не томиться от озлобления, которому выучила его война и которое плохой советчик в литературе, но всё-таки война выучила его и не одному недоверию. Пройдя с людьми все крайние ситуации, Астафьев исподволь выучил душу тончайшему знанию, почти чутью, которое так необходимо на войне и которое спасает вернее быстрого ума, позволяя сразу безошибочно схватывать суть ситуации, основу характера, логику «сюжета» в реальности.

***

Они только вместе – этика и эстетика – составляют писателя, а порознь являют либо хорошего натуралиста, либо – прямолинейного моралиста.

***

Помню, как поразила меня когда-то «Баллада о расстрелянном сердце» прошедшего фронт поэта Николая Панченко, где герой после войны стучится под окнами с просьбой: «Подайте мне сердца!». Борис Костяев (*герой повести В. П. Астафьева «Пастух и Пастушка» – сост.*) предчувствовал эти скитания, и сердце изменило ему раньше, чем он вышел из войны.

***

Художник сцепляет символику и реальность, чтобы вернуть мысли всю даль, позабытую за теснотой обыденной жизни.

***

Мера справедливости, как я думаю, определяется уровнем гуманистической мысли художника, её человеческой перспективностью.

***

Война не кончается с последним залпом. Проходят годы, десятилетия, окопы затягиваются травой, а инвалиды ещё мучаются ночами от старых ран, вдовы просыпаются в слезах, потому что забыли лица мужей, но так отчетливо видят своих неродившихся детей. Но главное – основную работу жизни уже делает невоевавшее поколение. Вот ему-то и надо знать, как всё было там, в главном деле отцов. И знать не по бодрым песням, а «по душе». Ведь там погибали не отвлеченные отцы, а обыкновенные, живые, без которых пацанам было тяжело расти и которых они рисовали с детским простодушием – красная звезда, наган в руке и ежедневная лихая победа над врагом. Этому научило детей бойкое военное кино, которое, кстати, как говорит Астафьев, и в окопах смотрели с удовольствием и «чистосердечно радовались удачам киношных вояк. Сами они находились на совсем другой войне».

***

Литература и кинематограф и после войны кинулись было помогать детям в этом бодром миропонимании, но уцелевшие солдаты не дали свершиться внешне

благостной, но внутренне губительной неправде. Жестокие мужественные книги В. Астафьева, К. Воробьева, Ю. Бондарева, Г. Бакланова, В. Быкова, В. Кондратьева возвращали войне её некинематографический облик. Читать это было тяжело, но необходимо, и чем тяжелее была правда, тем в итоге она была созидательнее, потому что мы видели, в каких бесчеловеческих, отрицающих всё гуманистические законы условиях отцы всё-таки спасли высокую русскую этику во всей её чистоте ценою ран и смерти товарищей.

***

Душа часто умнее нашего ума и сама бессознательно ищет способов врачевания, когда сердце затмевается отягощающими воспоминаниями.

***

Наверно, солдаты, как никто, знают, что время в войну идет иначе и все простые слова «час», «день», «год» означают не то, что в мирные годы и тянутся неузнаваемо, выстраиваясь в другую полную и отдельную жизнь. Военные годы стояли как будто особняком, словно были не жизнью, а перерывом в ней, и чтобы прожить жизнь полно и верно, надо было вернуться памятью к ушедшему и срастить разошедшиеся швы.

***

И дело тут, как кажется, именно в астафьевском чувстве истории. Он хорошо ощущает её движение в живой судьбе, отлично видит места «срастания» человека и времени и безупречно передает все оттенки сложной диалектики их отношений.

***

У истории, как у жизни, всегда два лица, и истина должна помнить об обоих, чтобы не благодушеествовать и не ожесточаться, а мужественно преодолевать дурное для лучшего. Тогда станет понятен и естествен исток победы, одержанной нашим народом в великой войне, и его терпеливое и последовательное преодоление жестокого опыта войны во имя того, чтобы больше этот опыт не понадобился.

***

Правду нельзя откладывать на потом. По историческому опыту известно, что зло не исчезает, если перестать говорить о нём: оно только искривляет мир и потом всё равно прорвётся, что побуждает новые поколения литературы к ожесточенной до несправедливости реакции.

***

Так простой, как будто только художественный принцип «воссоздания частного», оказывается ещё и гуманистически плодотворным, философски и нравственно поучительным.

***

История норовит сделать из человека статиста. Человек в ней безличен. Художник возвращает ему имя. Он **вочеловечивает** историю, поворачивая бинокль крупной стороной, и тогда вместо социальной или военной битвы и столкновения толп или армий мы видим разгорячённые борьбой или утомленные, страдающие отдельные лица и потом уже не можем забыть их и обмануться стройной или хаотической общей картиной и внешней произвольностью происходящего, потому что эти несколько крупно увиденных лиц убедительнее общей панорамы объяснят нам причину победы одной стороны и поражения другой.

***

Война обострила понимание не только индивидуальной ценности человека; она прояснила его природную целостность, взаимную соединенность со всем живым миром – с другим человеком, природой космосом. Именно это обостренное чувство сродности и заставило Астафьева миновать устойчивые литературные пути, чистое сочинительство и прийти к судьбе поколения, увиденной через призму автобиографии. Именно это чувство понуждало его забывать «образ» и вступать в прямую беседу с читателем, потому что он знал этого читателя в лицо и мог назвать по имени.

***

Полнота зрения приходит с осознанием неразъединимого согласия с родной землёй, а такое согласие особенно ясно прозревается при посягательстве на эту землю. Человек возвращался с войны не просто в родные места. Он возвращался в отчую природу, в колыбель своего духа и сознания...

***

Когда же на родину едешь с перерывами, всё время застаёшь её в другом состоянии, и резкость перемен разительна и часто печальна.

***

Память эгоистична, и даже хорошие преобразования, если они стирают следы наших детских пристанищ, уничтожают дорогие душе места, мы принимаем с нескрываемым недоброжелательством. Что же говорить о явлениях важных и памятных не нам лично, а целому поколению? Что говорить, если сталкиваешься с отмиранием традиций, гибелью наследованных обрядов, со смертью или болезнью природы? Тут сердце противится новому, потому что видит в нём угрозу здоровой последовательности жизни.

***

Это был ещё один тяжёлый итог войны и, может быть, итог самый горький – солдаты уберегли землю, но от долгой разлуки с ней никак сразу не могли попасть в верный тон, и прежде нерушимое единение с нею, о котором и думать не надо было – так оно естественно жило в крови, – медленно разошлось.

***

Есть тайный закон справедливости, и когда бы это не звучало мистически-темно, можно было бы сказать, что природа только до срока терпит произвол человека, а потом находит случай отомстить обидчику.

***

Долгий опыт человеческой жизни, обострённая любовью и талантом наблюдательность постепенно истачивают сердце...

***

Преображение страны неизбежно и желательно, но оно только тогда здорово, когда не нарушаются память и предание, когда человек, уважая прошлое, проводит естественно растущее будущее и понимает всю меру ответственности своей жизни, связывающей эти начала... Когда равновесие нарушается, художник первый чувствует беспокойство и говорит об этом внятно и слышно, указывая обществу болевые точки развития.

***

«Царь-рыба» (повесть В. П. Астафьева – сост.) с первой до последней страницы не устаёт напоминать о корневом человеке, о защите в себе собственной нравственной среды, без чего не помогут ни государственные установления, ни даже те благие практические меры, которые предлагает сам Астафьев, высказываясь за введение в школах уроков помощи и восстановления природы.

***

Астафьев, может быть, как никто другой в нашей литературе доверчиво исповедален в своих книгах, и его «я» часто обозначает именно «я», а не устойчиво-распространённый приём первого лица. Он внимательнее других прозревал в своей судьбе черты, общие целому поколению, и спокойно ставил это «я», справедливо полагая, что читатели ясно увидят за ним «мы».

***

О В. П. Астафьеве.

Именно так – брал из себя, а выходило – о народе и Родине в трудный период истории, пересеченный большой войной.

***

Он (В. П. Астафьев – сост.) пишет глубоко личное, часто не меняя даже имён, а выходит общенародное, потому что для русского художника творчество всегда было не кабинетным актом, а способом выхождения в народ, возвращение в него своей рабочей дорогой, чтобы отдавать ему всё, что наработано культурой страны и мира, а от него подкрепляться силой национальной традиции.

***

Всегда у нас художник живёт «в обе стороны» – берёт у народа, чтобы, обогатив, вернуть ему же и вновь принять от него данное как новое и живое.

***

Красота в нашей литературе действительно неотрывна от быта, сплавлена с ним, но это сцепление органическое, крепкое и цельное – они прорастают друг друга, но как только красота начинает перевешивать, она высмеивается или пародируется, если же перетягивает быт, он тотчас судится со всею неприязненностью.

***

В астафьевской прозе много отрицания, он часто несдержан, но это же качество помогает ему писать добро без ходулей в здоровой и жизненной простоте, и оттого это добро у него вдвойне убедительно и высоко.

***

Любовь Астафьева к родной речи иногда полемична, и он готов извлечь и архаичное слово, чтобы воспрепятствовать мякинной бесцветности проникающей в деревню «среднегородской» речи: тогда у него являются слова «скорбкой», «замзгнуло», «воньмешь», «рекли».

***

На всех уровнях – формы, характера, идейной жизни астафьевская проза достойно продолжает старые, но твёрдые и живые заветы отечественной литературы... Можно сказать, что философия его проста – он исповедует испытанные истины здравого смысла.

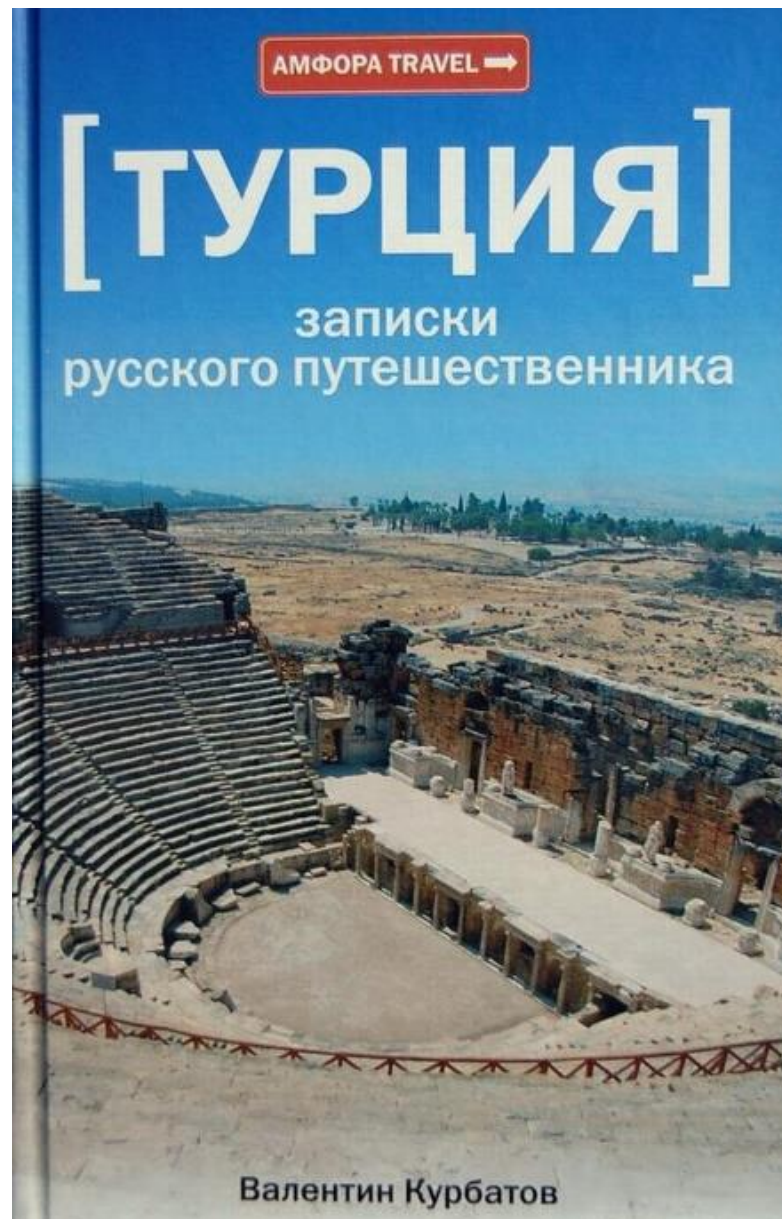
***

Астафьев не писал героев в обыкновенно-воспитательном смысле. Скорее он исследовал периферию больших событий, окраину происходящих в стране перемен, где сдвиги обычно неявны, затушеваны консервативной защитительной традицией. Но когда прочитаешь одну книгу за другой, увидишь всесторонне полную судьбу его поколения в трудные годы национальной истории, и судьба эта будет поступательна, глубоко народна, полна несуетного оптимизма и твёрдой надежды.

***

Бессмертие классиков совсем не отвлечённое понятие и не окаменелость, данная раз и навсегда. Оно таинственным образом зависит от тех, кто наследует их дело. И когда традиция ровно развивается в последующих художниках, классик тоже живёт полно и сиюминутно, как современник, а как только развитие останавливается, он обращается просто в безглазый бюст на книжной полке.

Записки русского путешественника / Курбатов Валентин Яковлевич / Валентин Курбатов . - Санкт-Петербург : Амфора, 2009. - 316, [2] с. : ил. - (Амфора Travel. Турция). - ISBN 978-5-367-01062-6

***

Есть спасительное Божье милосердие в том, что мы как будто не видим высоты порога, который переступили, переходя в третье тысячелетие. Но порог от этого, и отдаляясь, пока не становится ниже. И драматизм вопросов, поставленных человечеству двумя предшествующими тысячелетиями, не отменяется. Более того, они ставятся с ещё более обостряющейся требовательностью. В особенности перед тем, кто пришёл в Церковь невыстраданной дорогой государственной дозволенности.

***

Теперь нам выпала счастливая пора, которой не было у наших отцов, – увидеть колыбель христианства, попробовать соль земли, из которой выросли плоды нашей веры.

***

В разные поездки мы порой проходили одними и теми же местами. Мысль стремилась той же дорогой, но видела другое. Душа не узнавала своего прежнего переживания, потому что росла, потому что прибавлялось новое знание и сама жизнь не стояла на месте.

***

Дороги истории долги, и на них может не хватить жизни, но все они, если чувствовать их верно и выходить с зоркой душой, ведут нас к себе, к своему Господню образу.

***

Кукушка лениво и равнодушно пересчитывает чьи-то недолгие годы, словно откладывает их на счетах: одному столько, другому столько.

***

Мы сбегает в города, в мертвую тесноту спальных районов, в соревновательное щегольство столиц, где прекрасные храмы собирают прекрасные хоры, где блестящие мастера пишут блестящие иконы, где просвещенные батюшки говорят просвещенные проповеди.

***

Мы складываем умные общины, издаем прекрасные религиозные журналы, созываем «горячие» соборы и даже создаем религиозные партии. Но все отчетливее понимаем, что «в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя» не эту землю.

***

Не прошли даром революционные гордые прописи «рабы не мы, мы не рабы» или «рабы немые» мы-то, мол, очень даже разговорчивы и вполне умело пользуемся свободным словом.

***

В истории вообще ничего просто так не проходит, несмотря на печальное утверждение Гаврилы Романовича Державина, что «река времён в своём течении уносит все дела людей...».

Нет, воды этой реки только подставляют грядущему зеркало, чтобы будущее училось отражаться в них без постыдного повторения, узнавая родное, как юность в старости.

***

В «реке времён» не будет слышаться отчаяния, только если мы однажды догадаемся, что вечность не бездонная яма, пожирающая несчётные поколения, а дар дня, полного света.

***

Мы идем в истории не вперед, а как круги по воде – во все стороны, пока не займем границы мира. Или, вернее, как кольца на дереве – где уже, где шире в зависимости от плодоносности веков, каковая уж зависит от нашей свободной воли.

***

Историческая усталость иногда провоцирует нас повторить какую-то часть пути, которая была плодотворной, но Господь не зря зовётся творцом. Он – Создатель во всякий час и ждёт от нас того же.

***

Как случайно в человеческой жизни всё – от часа рождения до часа смерти.

***

Но когда перестаёшь чувствовать защиту покрова братской молитвы, когда немота твоего сердца затягивается, когда книги смолкают, надо брать дорожный посох и – в путь.

***

Храм по-настоящему – это всегда путь, и каждый день он ведёт кого-то светлой дорогой, которой уходил в небеса булгаковский Мастер, или просто поднимает с колен изнемогшее сердце слабого и опускает на колени негнущееся сердце гордого, и это краткое движение оказывается длиннее иных многолетних путей.

***

Нам выпала счастливая возможность путешествия, чья цель была нам известна, а путь неведом, и надо было держать глаза открытыми.

***

...Чудо ходит в одеждах повседневности и здравого смысла.

***

Обточенные временем серые камни в колючих кустарниках, сквозь которые не пройти метра, не изорвав себя в клочья, точно черепа и кости культуры, будто останки какого-то людоедского пира времени, дикая старость земли, почти ветхость, но, как бывает в стариках, за рубцами морщин и страшной географией лица – глубокая, уже невыразимая словом мысль, грозная загадка, которую ты разгадаешь или такой же ветхостью лет, или самой смертью.

***

Время сгустилось в медовую тяжесть.

***

Ну, у нас понятно – всяк вспомнит своего Николу, потому что он глядел из каждого красного угла (от дворца до нищей хижины).

***

... «Священный реализм» мудрее реализма житейского и знает, что правда не в фотографии лет, а в истинствовании, в том, что «образы суть... вещание добродетелей, изъявление крепости, мертвых возживание, хвалы и славы бессмертия».

***

Потому что как ни знай умом, что образ не есть сам Никола, а только дорога к нему, напоминание о первообразе, опора души, не достигающей полноты без помощи воображения, а всё-таки никуда своего простодушного язычества не денешь и непременно поймаешь себя на том, что просишь помощи у иконы, у этого именно образа, и кажется, порой просто подольщаешься к нему.

***

... Земля та – исток нашего предания, пространство небесных покровителей и учителей.

***

Похоже, мы не разглядели эту страну с репутацией оптовой поставщицы ширпотреба или в лучшем случае изгнаннической «русской столицы» послереволюционных лет. Как будто русский человек дальше Константинополя не заглядывал и слыхом не слыхивал, что это земля не одних Константина и Елены и святой Софии, а родина самой нашей веры.

***

... Мы всё больше дети предания, чем школьного знания, домашнего благочестия, нежели богословия.

***

Но все-таки, Бог знает *как*, сразу видишь, что он (*храм апостола Филиппа в Иераполисе – сост.*) помнит о городе внизу, о его имперском размахе, и догадываешься, что его «прихожане» (ещё не ведавшие этого понятия) были детьми этой властной традиции и не приняли бы бедного храма и не позволили бы только что узнанному ими Спасителю уступить Артемидам и Аполлонам в красоте и мощи парадного облика.

***

...История на минуту поднимает веки, и взгляд её тяжек.

***

В одном месте проглядишь, а в другом всё равно прозреешь.

***

Ромеи всё оставались римлянами, и христианские императоры всё императоры, чтобы в размахе достичь небес. И теперь великие камни христианских базилик сравнивались в археологическом своде и музейной памяти паломника с камнями храма Сераписа и гонителя христиан Домициана, с камнями ворот Геракла и библиотеки Цельса.

***

Куда же канули великая слава и могущественное наречение, которые вековечнее камня и железа? Как могло оно выветриться быстрее мраморов Рима и Греции, словно не в этих краях родилась Церковь, обнимающая сегодня половину мира? Не оттого ли, что она прошла здесь самое тяжёлое искушение соревнованием с земными религиями, расточив в противостоянии своё высшее небесное, не в камне хранящееся существо, повредив самое дорогое – целостное тело своё, подставив его под удар политических притязаний, хотя внешне и одетых в форму религии, что уже было видно в Эфесском же, однако «разбойничьем» соборе, так и не утвердившемся в качестве Вселенского, но уже понуждавшего солдат окружать храм во избежание столкновений.

***

Вот если бы, думаешь, жизнь не прерывалась... если бы престол всё оставался там же и не надо было искать место на земле, куда бы положить крест, как могущественно твёрд и покоен пребывал бы человек.

***

Мы так упорно бились в шестидесятые годы, носясь от храма к храму и возбуждая воображение, чтобы вернуть себе утраченное чувство целого, сколько переусердствовали в реставрации, но оглохшие без молитвы стены всё оставались камнем и не спасали наше просвещённое, но не освященное сердце.

***

В верно живущей душе и самое обыденное слово помнит о небесной родине и не бывает случайно.

***

Одна черта роднит и паломников, и туристов – вернешься домой, выговоришься, уложишь в душе дорогие впечатления, найдешь им место в своей жизни и уже, не заметишь как, снова засмотришься на карту недавно оставленной страны. Вот и этого не досмотрел, и этого не знал.

***

Прежде не знал, не видел, и ничего – был полон и твёрд, удовлетворяясь чистотой умозрения, а вот однажды коснулся «плоти» молитвы, её колыбельных оснований, и лучше понимаешь русских паломников, которые если уже не в святую землю, то по дальним обителям и лаврам считали необходимым хоть раз сходить.

***

Путь вверх иногда почти невозможен для «зачитавшегося» человека без пути вниз – к Богу через культуру. Культура порой уже мнится помехой, становится непрозрачным стеклом, загораживающим небо, но ею же, как дверью, можно выйти к преображённому Истоку, к молчанию высшего знания.

***

Руины хорошо учат возвращению к колыбели, к матери-земле и отцу-небу, из которых всё исходило и в которые возвратилось.

***

Ты опять отрываешься от дома, тебя опять укрывает чужое небо с неузнаваемыми созвездиями, и в этой внезапной незащищенности охватывает чувство новизны и красоты мира, и ты ощущаешь свое детское сыновство у материнской вечности.

***

Вынырнешь из тьмы башни, а со стен россыпь ящериц – серых, стремительных, сухих, как камни, с треугольными рыцарскими головами. Прыснут и выглядывают из щелей, точно деревенские дети. И не наглядеться на ритмику настенных лестниц, грозу башен, и никак не отвыкнуть вздрагивать, когда «камень» под взглядом прыгнет вверх или вниз, оказавшись ящерицей.

***

И хоть человечество ещё долго будет метаться между богами, а молитвы, по слову Д. Мережковского, смешиваться с заклинаниями, олимпийские боги – с христианскими бесами, церковные обряды – с волшебством, и император Александр Север ещё будет равно кланяться Христу и Орфею... но *другое* уже приходило, и пришло в мир, и собирало его на новых основаниях.

***

...Важно в дни ослабленной веры приходиться к источникам, в которых кипит живая горячая вода магически становящегося мира.

***

Жизнь ещё так первоначальна, что умозрение здесь кажется неуместно, а Бог прост и близок. О Нём здесь странно читать, но с Ним легко говорить.

***

Всему приходит конец, но только не благодарной человеческой памяти и молитве.

***

Пыль только плоть времени, и песочные часы неожиданно предстают самым зримым и печальным образом вечности, ибо пересыпающиеся в них песчинки – это и есть давние колонны и архитравы, фронтоны и акротерии.

***

Утрат здесь (*Каранлик Килис, «Тёмная церковь» в Каппадокии – сост.*) меньше всего, но многие глаза всё-таки незрячи – отчего-то злая рука во всякое время выкалывает их во фресках первыми, чтобы они не видели тьмы души надругавшегося над ними человека, дальнейшего его преступления – бессознательная боязнь взгляда Господня видна в этом спешном соскабливании глаз вернее всего.

***

...Мы всё ещё дети в вере и властвует над нами не она, а политика и животное чувство природы, которая вершит свой злой закон, ожидая нашего пробуждения.

***

И хоть на фронтоне силится отстоять себя византийский герб, но в резьбе вход уже поражён ледяной кристаллической игрой, свойственной мирхабам мечети, как попытка сложить из ледяных осколков слово «вечность». Она так мучительна – эта стремительная, едва не в день помещающаяся наглядность: от небесной высоты только сознаваемого, возделываемого в слове нового и чуда его зримого воплощения, когда небесное казалось отверзто до последней тайны, до истощения духа, ослабления руки и, наконец, до немоты равнодушия. Но значит, нужен был и этот урок, и это остережение, чтобы ты увидел-таки путь, пройденный и твоей страной до порога, с которого началось медленное опамятование.

***

Иногда для отрезвления нужны сильные средства, и в чужом зеркале они только зримее и действеннее.

***

Может быть, есть места, в которых виднее небо, где горнее ближе и сердце отзывчивей.

***

Снова тебе дано догадаться, что Истина одна и в конце дороги мы должны встретиться у единого престола, а не у небесного отражения земной карты, где мусульмане неуступчиво граничат с буддистами, те с иудаистами, а иудаисты с христианами. Религиозная терпимость есть только начало пути, но не весь путь,

ибо в основе её лежит недоверие к Истине или равнодушие к ней. Вместо расплывчатой терпимости должна войти в сердце любовь к постижению Единого, общее проникновение в сердце Господня замысла о мире, и «технология» этого проникновения явлена здесь всеми сторонами в горячей искренности и глубине.

***

Империя живёт полюсами смерти и в победе, и в поражении. В ней не бывает покойных вечеров, когда человек наслаждается тишиной и слушает только свет своего сердца. В империях не цветут сирени и полевые цветы и не поют соловьи – там стоят торжественные и недвижные времена орлов и лавров.

***

«Ведь как просто», сказал бы Толстой, но именно из-за простоты и неподъемно и навсегда впереди, потому что мир предпочитает пути полегче.

***

Говорят, когда отель был завершён, директор послал два самосвала, и они через несколько часов привезли эти антики с окрестных гор... Никого не беспокоит, что камень потерял «прописку» и теперь мается в бездомности и глядит нарядным беспризорником. Где-то теперь уже навсегда покалечен храм, повреждён мавзолей, погибла центурия, потому что пересаженные органы в архитектуре приживаются так же тяжело, как в человеческом теле.

***

Господь передал землю человеку, а оттого, что здесь ею был камень, человек благодарно и вырастил сад великой архитектуры, восславившей Творца в лесах колоннад, создал целый мир скульптуры.

***

Когда бы мы ещё умели читать речь камня, то извлекли бы хороший урок, что нельзя считать прошедшее только выжившим из ума основанием своего высокого «прогрессивного» миропонимания, иначе история найдёт случай посмеяться и в свой черёд определить в безумцы тебя самого.

***

Мы уже говорили, проезжая здесь в первый раз, о странной привычке великих полководцев покорять сильные реки. Александр простужается в водопаде Тарса, Фридрих тонет в Гексу. Господь вразумляет своих слишком удачливых до времени детей, что их власть не беспредельна и что как только они посягнут на Господне творение, им возвращается вся человеческая малость.

***

Высокие разговоры о благородстве порыва крестоносцев к освобождению от «неверных» христианских святынь скоро прервались мыслью о том, что хорошо бы о величии устремлений спросить у Александра Ярославича Невского. Он предмет

знал и встречал «благородных гостей», облачённых в белые одежды, уверенной силой меча и простого нательного креста, который не выставлялся в демонстративные символы.

***

Мы скоро забываем географию, даже учителя этого предмета, и вспоминаем, что в горах холодно, только когда уже ничего нельзя исправить.

***

Наверное, всякая высота и неожиданно птичья точка зрения напоминает, что наши острые лопатки – только след ангельских крыл, и они не зря в народе зовутся «крыльца».

***

Молитва умолкла столетия назад, но камни всё берегут символ веры и ждут готового к прочтению сердца.

***

Боязно и представить, как обнимает эти остывающие к ночи камни тьма и возгораются звезды, перемигиваясь с огоньками сёл внизу, пока не потеряешь границы неба и земли и не почувствуешь себя малой пылинкой мира, потерянной в вечности, и не онемеешь от внезапно стеснившего сердце впервые понятого слова «бесконечность».

***

Тут бы очень пригодилась хоть школьная латынь, что-нибудь общеизвестное вроде *sic transit gloria mundi*, звоном и мерой так мало похожая на тусклый перевод «так проходит слава мирская». Империи надо оплакивать латынью.

***

Тяжёлая жизнь скоро «вытирает» человеческое лицо и надсаживает тело.

***

Мы так много говорим об общей культуре, убеждаем сами себя, что каменная словесная, живописная молитва и славословие, она дитя благодарности Богу. А вот уходят в землю километры великих развалин, затягивается пылью и травой история хеттской, персидской, эллинской, римской цивилизаций, и некому не то что прочитать, даже смахнуть пыль с этой «книги» и до времени поставить её «на полку».

***

Человечество по-прежнему не осознаёт себя семьёй, где каждый ребёнок родной.

***

Культура умирает от невнимания к ней больше, чем от прямого уничтожения.

***

Время медленно теряет реальность, история становится мифологией и потрясает в камнях, как нечаянно сбывшийся сон.

***

Когда мы говорим о благодати и даре, то из прагматического времени уже и их понимаем следствием труда и вознаграждения. А нужна только открытая, готовая душа, чтобы Слово вошло, не оцарапываясь о своеволие или житейскую рассудительность, которые умеют охладить и самое горячее сердце.

***

Когда сердце готово, оно услышит весть и в дыхании ветра.

***

Храм (*в Мирах Ликийских – сост.*) необычайно сложен – столетия любят делать свои архитектурные примечания на полях основного «текста».

***

Когда оператор зажжёт лампочку на камере во тьме левого придела, вдруг увидишь в парусе свода столь прекрасную Евхаристию, что припомнишь и лучшие родные русские евхаристии Новгорода и Пскова. Здесь (*в Мирах Ликийских – сост.*) их первообраз.

***

Отныне Святитель уже так и будет сопровождать нас во всю поездку в службах, разговорах, в неожиданных окликах, которые могли бы вызвать улыбку, когда бы не были так пронзительны. На машине нашей, взятой у турецкого Фонда, будет нарисован Санта-Клаус, которого теперь вслед за Штатами и Европой с лёгкой руки Хаддона Сандблома, пустившего в 1931 году Санта-Клауса на рекламу кока-колы, послушно расселили по рекламным щитам России и мы.

Отличие состояло лишь в том, что на груди нашего Санта-Клауса была нарисована епископская панагия с вполне родным образом Святителя с «малым числом кудрець». Бедные устроители Фонда хотели согласить два эти образа, а добились только того, что побеждал неизменно не Санта-Клаус, и не святой Николай, и не Баба Ноель, как зовут Николая Чудотворца в Турции, а Дед Мороз, и, конечно, он был русским...

***

И Святитель всё меняет на иконах кардинальскую тиару на православную митру и посох епископа на Евангелие и меч, а апостолы Андрей и Пётр, обнявшиеся на образах в константинопольских храмах, всё не могут обняться ни в Риме, ни у нас, хотя они родные братья и Господь не зря позвал их обоих: «...идите

за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков», чтобы они теперь собрали в единство тысячу лет назад разошедшиеся братские Церкви, которые они возглавляют.

***

Вот и Святитель всё делится Церквями ревниво и осторожно, хотя тоже приходит во все страны к детям и взрослым и творит чудеса на воде и на суше, не разбирая границ, чтобы мы вспомнили Миры поры нашего единства.

***

Христианство вообще есть непрерывное движение, становление, диалог с недремлющей философией, а не самодовольство готовых ответов, иначе из веры сильных оно становится религией немощных.

***

Мы все уезжаем в чужую страну из своего времени и привозим с собой суету, часто оскорбляя руины празднословием и надменностью живых перед мёртвыми. Но возвращаемся мы всё-таки немного другими, узнавшими если не всю тайну времени, то его настоящую длительность.

***

И все рождения и смерти цивилизаций короче одной человеческой жизни, короче одного правильно понятого дня, которому нет конца.

***

...Конец мира – это или затмение нашего разума, не увидевшего колыбели покоя, для которой нас надо разбудить силой, или общее радостное сотворчество с Богом и вечная радость, оправдывающая собой и воскрешающая всех мертвецов, кто в слепоте слишком тесного земного счисления, в страдании или эгоизме дна не успел узнать навсегда освободившей нас Истины христианства.

***

Когда долго живёшь, понемногу начинаешь понимать, что всякий день тебе урок и школа. И у неё своя система. Раньше положенного ничего не узнаешь. Вырасти надо для понимания.

***

...Раз замыслив рассказ о «небесном Отечестве», простым изложением и заметками не отделаешься.

***

А только всё равно надо слушаться предания. Оно в Церкви вернее и важнее исторической достоверности.

***

...Правда растёт в человеке вместе с верой и открывается по мере мужания души, не вредя ей, а только укрепляя и вооружая её, готовя к прозрению ясных путей.

***

В зябком свете пасмурного дня краски мозаик горели свежестью утреннего рождения. И нельзя было думать о том, чтобы описать лики, потому что у нас уже нет для этого словаря. Время постаралось подогнуть нашу речь под себя и отняло у нас вместе с полнотой и молодой силой веры и самый словарь веры.

***

Наверное, можно сейчас найти великих мастеров и скопировать мозаики, но и повторив их до мельчайшей черты, ты будешь только бухгалтером и счетчиком морщин, но не передашь их силы и покоя, суда и милосердия, небесной воли и земной власти.

***

Но ведь мозаики сложены и фрески писаны не для суда, а для благодарности и воскрешения света в человеке.

***

Оказывается, для полёта совсем не надобны крыла, а только вот это сияние духа.

***

Так вот каким было высокое христианство! Вот чем Византия держала мир в лучшие дни и чем пленила русское сердце – свободой и полётом, любовью и милостью!

***

Как у нас бывало – пока мужчины суетятся в истории, бегают, убивают, создают партии, женщины удерживают Церковь.

***

Море внизу будет неустанно биться о скалы, вытаскивая в них фантастическую, но бессмысленную архитектуру. А человеческий прибор истории, любви и веры, истины и жизни – извлекать из тех же скал храмы святителей и исповедников, которые и в безмолвной пустоте и оставленности не прекратят свою работу – хотя бы на языке камня и ветра договаривать Слово, которое было у Бога и было Бог.

***

Колонны живут дольше всего – их трудно использовать в простом хозяйстве. И вот они белеют в садах и траве строками гексаметра – прекрасные, но уже не достающие слишком рассудительного сердца.

***

...Старые книги, подобно древним камням, нельзя сдвигать со своих мест – разрушается живое целое. История убедительнее там, где она написана – отнюдь не в изгнании, хотя бы и почётном.

***

И всё едет с тобой, и день ото дня делается навязчивее вопрос: как они сопрягаются – пламень веры и покой обычного вечера, императорское желание счастья своему народу и скармливание христиан львам. Построение счастья «для всех» и расстрелы в храмах, так что в одном только моём Пскове эти кладбища обнаружены при ремонте в последние годы в храмах Нового Вознесения, Рождества Иоанна Предтечи и Василия на Горке. Это вопросы риторические, но боль их ничуть не меньше.

***

Никак не привыкнешь, что день всегда короче планов, которые успеваешь настроить заранее.

***

Остатки фресок продолжают своё учительское дело.

***

Ничего в Божьем мире не бывает напрасно и враждебно небу, если только не делается с вызовом ему.

***

Туристическая корысть, сохраняющая оставшееся, тут служит хорошую службу. Пока побережём для праздных глаз, а там, глядишь, уроки и услышим...

***

Оракул назовёт здесь (*в Дидиме – сост.*) Александра Македонского Сыном Зевса и докажет, что умеет лестью выбить для города деньги на строительство святилища поталантливее наших экономических гениев.

***

О Приенне.

Город прекрасный, как приговор, как статья римского кодекса. Его можно избирать в гимны и гербы. Эти каменные «чертежи» должны быть унесены временем, когда человек однажды проснётся не гражданином полиса, не частью фаланги и когорты, а одиноким перед лицом смерти.

***

Гражданин империи может гордиться великими храмами Зевсов и Афин, мощными крепостями и роскошными театрами, блестящими ипподромами и торговыми агорами, но они не его. Они не проросли в сердце и, когда на смену

блестящей имперской вечности придёт частное время, не утешат его в печали и не укрепят в сомнении. Они могут вызвать слёзы восхищения, но не разделят слёз страдания. Они – часть речи, а человек – дитя Слова.

***

Переписчик, как иконописец, – послушник небезупречный. Художник в нём иногда просит своего слова. И если это не своеволие, а Господне прозрение, он радостен Богу более прямого следования прежней правде. Он не сохранил, он преумножил данный ему талант.

Предание человечнее и вернее истории. Оно поверяется не ею, а любящим сердцем.

***

Человеческая жадность не страшится мёртвых.

***

Дорога ведёт вниз, если она не идёт вверх. Ровного пути уже не будет. Он кружит в потреблении или вражде, в основе которой только потребление и желание пожить по своей воле, как в разбежавшихся славянских народах, продолжающих звать себя христианами.

***

История церкви, пусть и в беглом туристическом переводе, учит мужеству и честности перед Жизнью. Когда дух предпочитает самообманной покоем Истине, он неизбежно терпит поражение и несёт ответственность за ослабление доверившегося человека.

***

Дожди быстрее собирают мысль.

***

История сама строит свои сюжеты, сама знает, когда приходит время собирать, а когда разбрасывать камни. И в конце концов останавливается на справедливом варианте.

***

Что можно унести с собой в один день из двухтысячелетней истории? Только своё вчера и сегодня. Добро заберёт пришедший сюда новый человек, а память возьмёт земля.

***

Дорога в чудных пиниях и каком-то «шишкинском» свете долго карабкается наверх и спускается с перевала, показывая на несчётных поворотах то снежные вершины обступающих гор, то синенький платочек моря, то пропасть неба, в котором на минуту чувствуешь себя летящим.

***

...В соседстве христианских и языческих храмов особенно очевидно, что античность не заблуждение, не злое язычество, подлежащее истреблению, а только человеческое утро, резвая младость, остаться в которой значит в безумии пытаться остановить время. Но и отринуть которую, не повредив душе, тоже нельзя, потому что и в красоте юности, тоже ведь созданной и посланной Богом, тоже есть назидание и подсказка: красота – родная сестра Истины и условие её понимания.

***

Падали колонны, купола, своды, а апсиды, алтари и горние места восставали и восставали из обвалов, из терновника, песков и камышей, чтобы память могла скорее узнать их, не спутать в руинах с палестрами и гимназиями, банями и языческими святилищами. Словно их держала высокая сила звучавшей здесь молитвы, память бескровной жертвы, немолчный хор незримой литургии. Время набрасывалось на них во всеоружии истории и беспамятства, но словно ангел с «мечом обращающимся» в последнюю минуту закрывал апсиду, ослепляя разрушителей. Стало быть, когда мы слабели и изменяли делу веры, молитва предшественников держала их, пока мы не вспомним себя и не пойдём дорогой отцов, которая всегда расстилается вперёд.

***

... Душа живее разума и в разный час испытывает несогласные чувства.

***

Мы оставляли Ликию с печалью. Пока в туристических заботах она, торопясь, воскрешает безопасное язычество, мир и сам ищет безглазой мраморной красоты, на которую можно смотреть со снисходительной улыбкой и не думать об основаниях собственной жизни.

***

Сколь бы прибавилось мудрости, если б сохранили не одни лишь стены, а то, что стократ дороже их, – слово, жившее в беге букв, перемежающемся заставками киновари, чтобы чтение было не только познанием, но и праздником.

***

...Время придумано человеком и властно только над ним, не касаясь вод, небес, гор...

***

Эстетическое в нас потеснило религиозное, «чистая» красота отодвинула душу.

***

Но коль собрался «просто» коснуться камней, которые помнят пророков и апостолов, пройти их дорогами, ощущая босыми ногами жёсткую твёрдость пути,

увидеть свет утра, который видели их глаза, вдохнуть соль и зной воздуха, которым дышали они, поймёшь и узнаешь больше, чем хотел, когда только собирался в дорогу. Не надо привозить готового знания и искать ему подтверждения – нет ничего более неплодотворного.

***

...Каждая земля есть урок если не для самой себя, то для другого народа. И каждая история (пусть самая древняя и далёкая) происходит для тебя сегодняшнего, чтобы стало понятно: уроки её просты и отличаются только платьем, на самом деле они всё время одинаковы.

***

Страшно вымолвить для гордого русского слуха: не нужно искать империи, потому что все империи после Христа напрасны. Они падут под ударами живой жизни свободы и любви, бедности и правды. Империи завершают руинами не от одних ошибок императоров и всадников, домостиков и нотариев, преторов копьё и препозитов опочивальни, а потому, что заражены при рождении.

***

Человек садится в самолёт, поднимается на палубу корабля, входит в поезд и пытается прорвать границу слепого дня, чтобы узнать: поражение – лучший учитель победы. Когда видишь пустыню на месте родины своей веры, лучше понимаешь: устоять можно, только не повторив её соблазнов, не поверив покою и обманчивому торжеству, ибо оно первый шаг к разрушению.

***

На величие камня (и это тоже урок Византии, чьи сооружения заносчивее Рима) можно ответить лишь величием духа, иначе оно раздавит тебя. И оно не в пурпуре императоров, не в порфире и золоте храмов, а в том, чтобы услышать Христово «возьми крест свой и иди» и не свернуть с этой дороги.

Каждый день сначала : письма : [12+] / Распутин Валентин Григорьевич , Курбатов Валентин Яковлевич; Бызов Анатолий / В. Распутин, В. Курбатов ; [предисловие В. Курбатова ; послесловие Д. Шеварова] ; фотографии Анатолия Бызова. - Москва : Красный пароход, 2021. - 316, [3] с. : ил., портр.

***

Да ведь первоначально книжки-то и рождаются не для «читателей», а чтобы самому в себе и в прошедшем оглядеться.

***

«Река времён» Гаврилы Романовича Державина полетела водопадом и уже не «уносит», а обрушивает нашу память. Забвение торопится отнести ещё вчера всеобщую для русского сознания «деревенскую» литературу к почтенной истории, уже ничего не определяющей в нынешнем миропонимании. Они и сами, «деревенщики»-то, чувствовали закат («**Последний поклон**», «**Последний срок**», «**Прощание с Матёрой**»), но всей любовью и памятью ещё надеялись удержать лучшее в человеке – долгую землю и высокое небо.

***

Но человечество уже торопилось освободиться от «обузы» нравственных обязательств и пожить «по своей воле». А уж как нынешние молодые люди вышли на улицы, уткнувшись в айфоны и планшеты, как прежде монахи в молитвенники, уж можно слова «память» и «народ» вычёркивать из словаря или ставить осмотровое «устар.». И сейчас оглянуться на переписку с последним земным наследованным писателем – это уж просто хоть по-человечески проститься с последним нецифровым веком. Вон в Швейцарии сразу учат деток «не пачкать пальцы чернилами», а прямо с детского сада тыкать в клавиши, отнимая у них, о чем они ещё не знают и теперь уже никогда не узнают, почерк – как личность, как самую верную фотографию души. И умрёт чудо рукописи, которое мы ещё застали.

***

Дороже-то человеческого общения всё равно ничего уже не будет.

***

Что же теперь остаётся? Стоять в одиночку. Воспитывать детей людьми. Искать кусок хлеба. Побольше делать для церкви. Да молиться, чтобы Бог дал человеческую кончину без унижающего страдания.

***

Но, видно, в конце концов придётся единомыслие понимать шире и Россию пожёстче, чтобы устоять в главном.

***

Без любви мы подлинно «кимвалы бряцающие».

***

Сто раз повторю когда-то поразившее – победить нельзя только безоружного человека. Это доказал Христос, но никто не хочет его доказательств, хотя всяк берёт его на вооружение.

***

Родные душой люди должны видеть друг друга во всякий час, когда темнеет и теряет опору душа, тогда и земля у них стоит здоровой и мир не потеряет рассудок.

***

Спасти Родину мы можем только любовью к ней и друг к другу.

***

Но всё отчётливее я вижу для себя, что наша всечеловечность, и наша всемирность, и наше избранничество истолкованы нами не так, как следует, и, кажется, неверно поняты (да простит мне Фёдор Михайлович).

***

Слишком переменялся мир, тысячелетие успело смениться досрочно, Россия успела сменить генетику и вот-вот родит из своих потёмок какую-то неведомую нам державу с чужим языком и мыслью. Сейчас бы самое время на завалинке собраться всем деревенским сходом и рассудить – чего человеку делать. Не прохожему, не уличному человеку, а нам самим, каждому по отдельности и всем вместе.

***

Очень похоже, что никакой России может не остаться вовсе, а борьба за неё переносится из парламентов в человеческое сердце, в каждую отдельную душу.

***

Надо просто сохранить человека, сберечь простое его сердце и живую душу. Никто, кроме культуры, этого не сделает.

***

Нам действительно придётся взяться за перо и спокойно и твёрдо, несмотря на рёв тысяч «глушилок», говорить и говорить о чистом русском человеке, терпеливо лечить его от помрачения.

***

Культура не умеет и, как кажется, не должна бороться политическими средствами – она неизбежно терпит в этой борьбе поражение.

***

Иногда такое отчаяние охватывает и такой стыд охватывает, что хоть беги. Не за страну, не за правителей наших. А за литературу. За то, что она втягивается в те же средства противостояния и оставляет читателей сиротой.

***

А дни были действительно снежны, сини, почти мучительны – бывает такая красота, что уж и тяжело, лучше бы немного победнее.

***

...За Христа можно не только оторвать голову ближнему, но и любить этого ближнего, даже не соглашаясь с ним в политических взглядах.

***

Мы можем решать свою судьбу, можем хлопотать о своей земле, которую знаем, о своём начальстве, но решать там за нас... – это совать людей в петлю.

***

Я только хочу, чтобы истину не «обуживали» до партийных границ. <...> Сужая истину, мы страшно вредим и без того уже потерявшей голову Родине.

***

Вот только об одном этом я и твержу год за годом и одного этого и хочу – быть дома во всей своей Родине...

***

Надо и о неприятии говорить не в «параллельных» изданиях, а принародно и лицо к лицу, веря, что искреннее слово будет и услышано искренне, и понято верно. Хотя и сам уж так устал, что начинаю тоже думать, что это романтизм. А не хотелось бы так думать, потому что это равносильно смерти.

***

Душа теперь скоро устаёт, и её никак не хватает больше как на два дня – хочется домой, в свою квартиру, за стол.

***

Между тем, как только оказываюсь перед деревенским окном, и мысли кое-какие заводятся, и душа глядит веселей.

***

Распутину.

Мне часто страшно одиноко без тебя, без твоего выпрямляющего слова.

***

Горько будет, если мы начнём оттенки и расхождения делать поводом к противостояниям между своими, – тогда «эти ребята» перехлопают нас порознь, потому что возьмут числом и монолитностью.

***

Загонять же болезнь внутрь – это для церкви растить в себе тайный протестантизм, а для культуры бесконечное деление на микроскопические фракции... Тут мёртвый может схватить живого и утащить в могилу. А надо жить, и жить дома, и ширить этот дом.

***

...А как доходит до дела, предпочитают не ослаблять рядов, хотя никакая это не монолитность, а именно утаивание трещины, оттого она только шире и шире, а движение мертвее, хотя внешне и обманывало единством. Собирать одних «своих» – это не значит что-то решать. Это значит прятаться от существования проблемы и половины своего (своего!) народа, потому что мерзавцы видны и так и о них заботы нет.

***

Не надо нам никаких ножек подставлять – сами себя в яму столкнём.

***

Человек пополз по швам. Ни церковью не собрать, ни литературой. Общество могло падать как угодно, пока жива была семья, ничего не было потеряно. Теперь распозлалась семья, и вот взрослые «показывают пример», а добивают всё уже их не знающие, куда подклонить главу, дети.

***

Вот для чего надо сходитьсь-то – ободрять друг друга для долгой дороги и искать новых слов. А сил-то уж нет, усталость всё съела.

***

Руины греческой, римской, византийской цивилизаций куда как поучительно говорят, чем кончаются имперские притязания.

***

Ведь для этого, для этого нам посылается конец тысячелетия, для оразумления страшным порогом перемены эры, а мы бежим себе в суете дня и знать не хотим, для чего цифры скатываются в нулевую пустоту, чтобы мы могли по шажку, как больные, начинать счёт снова.

***

Два дня прожили с В. П. (*Виктор Петрович Астафьев – сост.*) в Овсянке, и он дал мне прочитать три последних рассказа. Они все оказались светлы, как встарь, и это более всего обрадовало меня. Немножко, правда, присочинённые, но на это В. П.: «А где я тебе возьму реальное-то добро? Вот и сочиняю, чтобы самому ухватиться, потому что уж очень надоела чернуха чужая, а более всего своя» (дословно!).

***

Всё яснее видно, что с литературой в старом смысле всё кончено. Осталось производство, рынок, где все одинаковы интеллектуалы и массовики. Всяк печёт свой товар на рынок, не слыша общего, не чувствуя материнского голоса всей литературы. Каждый на особицу.

***

...Герой-то нынешний тоже в реальности больше на цитату похож. Словно не сам живёт, а кого-то изображает, так что чего с литературы спрашивать... Всё художник норовит вперёд выйти, и человек сам и рта раскрыть не смеет – всё за него надумано и рассчитано. Не жди, чтобы, как у Пушкина, героиня могла выкинуть штуку, которой от неё автор не ждал.

***

Тут вот лежит у меня «Факультет ненужных вещей» Домбровского, и я в него время от времени заглядываю. Страшная книга! Удалая, отчаянная, сильная! Никак после неё сталинское время не похвалишь. Язык не повернётся – именно потому,

что не пугает, а сопротивляется с весёлым бесстрашием человека, обречённого смерти, но не уступающего ей и мизинца.

***

...Я этого Коэльо прочитал, самую его популярную книгу, о которой написано, что она вторая из читающихся в мире. Первая, очевидно, библия. Этот хвалёный «Алхимик» романтичен и, наверно, хорош для юношей, как когда-то был Ричард Бах со своей «Чайкой по имени Джонатан Ливингстон». Та же аллегория. И тот же сегодня всеобщеевропейский способ походить в духовных людях, минуя церковь (отчего так популярны Толкиен и Гарри Поттер). Труда не надо, а несколько хороших фраз, ввернутых к месту, очень украшают говорящего.

***

О Милораде Павиче.

Вот уж кто подлинное чудо! Никак я им не объежусь. Всё дивлюсь неисчерпаемости его дикой фантазии и иногда ослепительности образов. Это не хлеб насущный, но без этого жизнь была бы пресноватой.

***

Иногда хорошо сполоснуть зрение, чтобы видеть своё острее.

***

Осень навалилась тёплыми дождями и такой тоской, что хоть штор не открывай и сиди при свете, обманывая себя покоем искусственного вечера.

***

...На самом-то деле ничего «светского» в России нет, а она, дура, всё понять этого не хочет и бьется в чужих силках, обманывая себя, что это её собственная свобода. Кому сейчас нужна хоть какая-то критика. Тем более о 60–80-х годах. Хотя, конечно, это была последняя литература «большого стиля», в которой мы не уступали никакой большой литературе Запада.

***

Вообще жизнь как-то странно «полегчала», опустошилась, разошлась на «заменители». Вместо плоти и духа остались значки и наименования в готовых обёртках. Равно у нас и у «них». Только у них обёртки поимпортнее и потому кажутся эффектнее, а у нас полубочнее, а завернут-то там и там воздух.

***

Нас всё отчетливее приучают к сознанию, что литература только иронический или развлекательный продукт и должна оставлять свои пышные притязания. Это внешне даже как будто благородно и скромно, но внутренне лукаво и разорительно.

***

Да, кажется, и время разбрасывать камни (в лицо своим «противникам») сменяется временем собирать эти камни, если мы ещё собираемся жить в России...

***

... В самые вопросительные ночные часы душа всё-таки ищет Бога.

***

А я всегда стесняюсь выходить на люди, словно меня принимают за другого, и тараторю со скоростью света, чтобы как можно скорее отбарабанить и спрятаться.

***

Пока в церкви стоишь, ещё ничего – детки причащаются, батюшка говорит, иконы в сердце глядят. А вышел – всё с новой строки.

***

Подкралось какое-то опасное неверие ни во что, порог последней усталости, когда вдруг видишь, что всю жизнь писал на воде и всё уносилось, когда ещё и точка не была поставлена. А уж замолчать не можешь, потому что точка – это просто смерть, и вот встаёшь, подхватываешь свой камень и опять вперёд, пока он обратно не откатился. Я долго обманывал себя экзистенциальным лжегероизмом – что и всякий человек так, только он не видит, а ты видишь – и потому молодец.

***

И на могилу (*Л.Н. Толстого – сост.*) заглянул. И понял, что не надо так суетиться господам писателям, чтобы церковь поставила крест (ишь какие все православные!), будто с себя хотят какую-то вину снять. Нет уж, пусть Лев Николаевич как хотел – так и будет. Это он с нас всё время спрашивает: искренни ли мы? Да и с матери-церкви тоже: как могло случиться, что её самый искренний сын вдруг отошёл от неё? Что с ней такое успело сделаться, что он сделал это без страдания? Нет ли в этом «бескорыстии» и её вины?

***

С Новым годом! С Рождеством, отменяющим «новизну» годов своей спокойной вечностью. Я, грешный человек, не люблю это предрождественское время. Вся усталость года наваливается разом, и страшно подумать, что надо искать какие-то подарки, а потом дарить их с ложным весельем и вообще принудительно улыбаться, слушать чужие пошлости и говорить свои. И уж хочется, чтобы эти дни скорее прошли, хотя при этом помнишь молитву Г. Маркеса о том, чтобы длить каждый день и помнить, что в каждой минуте 60 секунд света. Умом-то ищешь веселья, а сердце уже не обмануть.

***

... Иногда издателю надо сойти с ума и печатать, например, одни письма. И потом окажется, что он делал самое важное в литературе дело.

***

Напишешь и остановишься. Но посмотришь на деревья, травы, облака – и опять потихоньку вперед. Толкаешь слово по слову, потому что Бог не дал нам другого инструмента и нам не за что больше ухватиться. Хотя получается не очень хорошо – силой в нашем ремесле не возьмёшь, но коли отступишься, то и вовсе ничего не сделаешь. А так, глядишь, разойдёшься, втянешься. Сколько раз уж с нами это бывало.

***

Человек необратимо сдался новому и ищет себе применения. Крутится. Выбирается как умеет... Ничего пока у него не выходит, душа застревает в дверях и не даёт ему разбежаться; но всё равно её не бросает, мается, а держит. Слезы наворачиваются.

***

И опять думаешь: какой же чудный народ попался нашим дуракам-правителям и как он, этот народ, и в полном разоре всё норовит устоять, не расплыться в население.

***

Дни встали тихонькие, без солнца, задумчивые, хоть садись и работай, если бы ещё оставалась работа. То есть долговой-то полно, только поворачивайся, но в такую погоду хочется писать что-то такое же тихое, родное, спокойное. А его и нет, потому что в сердце нет тишины.

***

Как-то пообмелел народ, мысль ослабла и пошла в декоративность.

***

Что молитвы «не помогают» и что ничего, кроме «Отче наш» и Символа веры, не знаешь, так разве в готовых текстах дело? «Помощь» рождается в диалоге с иконой, службой, самим дыханием церкви. Иконы-то ведь не красками берут, не тем, как писаны, в сколько слёз в себя приняли, сколько горя знают, и тем и лечат – общностью горя и выросшей из беды любовью. Нынче особенно-то в церкви не выплачешься. Раньше община была, семья (отчего и батюшка), все свои, а теперь больше любопытствующих. А всё-таки молитва сильна и укрепляюща только в церкви, на миру.

***

Не очень у нас получаются эти праздники – ни в Михайловском, ни в Ясной, ни в Иркутске. Потому что мы сами перестали носить в себе этот праздник, а приезжаем на готовое. как-то постепенно позабыли, что праздник-то – это мы сами, что люди приходят на нас, которые и есть сияние России, утешение и надежда. А мы такой тьмы нанесём, что потом никакими концертами её не разгонишь.

***

... Когда темнеет мир, от литератора напрасно ждать света. Потому что он и сам из этой тьмы. А всё-таки он и во тьме должен видеть лучше других и расставлять хоть малые свечи, чтобы человек не чувствовал себя брошенным.

***

Не получится у русского человека спрятаться в своём саду, на милых шести сотках. А как станет получаться, то это уже будем не мы и нас можно будет брать голыми руками.

***

Ничего нет слаще молчания в осеннем лесу. Да ещё если под мелким дождиком.

***

Газет не читаю – и время теряет свою власть. И так хорошо на службах, особенно на всенощных при чтении канонов – каждый день разных, неисчерпаемых в благодарении. Там времени, слава Богу, нет, а есть один долгий Господний день, где нет ни первого Рима, ни второго, ни третьего – а есть только один Иерусалим. Да и тот небесный, чьё подлинное имя знает один Бог.

***

Мы сами уже не любим друг друга, не радуемся свиданиям с пушкинской открытостью и прямой нежностью братства. А будь это, нам бы и выступать не надо было. Все бы и так видели наше единство и силу, которая даётся любовью.

***

Скоро Рождество, привет вечности в бегучем времени, восстановление изломанных временем дней, возвращение к единственно подлинному ритму жизни. И опять это счастливое единение земли и неба, сходящего Христа и восходящего сердца.

***

А ты думал, пустяки-то (предисловия, послесловия) легко писать? Мелочёвку-то? Она, брат, помучительнее долгого труда. Да ещё если, как у меня, сегодня – Распутин, а завтра Борхес. А чё сделаешь, если одни одно читают, другие – другое, а ты такой умный, что и то и другое. В результате-то, конечно, оказывается, что ты и там, и там верхогляд и пустозвон, а уж втянулся, уж ничего другого и не умеешь. Но на первый взгляд так наморщишь лоб и такой напустишь серьезности, что на минуту и обманешь. На том и едешь. Благо и век таков же: всё у него наверху и бегом.

***

Валентину Распутину.

Очень понимаю твою досаду, Валентин, на нас, которые пустились величать тебя «несравненным» и «единственным». Но тут уж тебе придётся смириться, потому что правда – несравненный и единственный. И даже великий. Никто не виноват. Ты сам был так высок в своём служении, что оно не было писательством в нашем житейском смысле, а действительно служением. Так что все мы только посылно воздаём тебе должное, а не хвалим тебя. Это мы таким образом себя ругаем, что сами были поспешны и суетны, сами не служили, а прислуживались. И вот, чтобы хоть как-то оправдаться перед собой, возвышаем тебя, что-де настоящую меру знаем, и видеть тех, кто её блюдет, видим, и тем как бы и сами немножко великие.

***

А отнекиваться – это только провоцировать удвоенные похвалы.

***

... Дар-то может быть сочинителю дан Господом и очень большой, да мир в его распоряжении маленький и писатель поневоле уйдёт второразрядным, истратив дар на стиль, строй, щегольство формы. Всё это сегодня не напрасно очень расцвело. Силы некуда деть, не на что их растратить.

Другие пускаются в историю и пишут большое прошедшее, надеясь утолить душу минувшим величием. Мелкое время и минувшее сделает мельче, изведёт на «литературу» или на ложную мускулатуру.

***

Но слава Богу, раз в год мы рождаемся снова, и не в свой день рождения, а в этот небесный, общий, который, если его правильно услышать и принять сердцем, даёт так много сил и утешения, что порой это уже кажется незаслуженным. Но Христос всё не устаёт рождаться после наших распятий и всё прощает, прощает нас.

***

... Надо хоть иногда перекликаться в ночи, чтобы совсем не оглохнуть и не потерять друг друга в равнодушно катящемся в пропасть мире. Можно бы впасть в отчаяние, когда бы не матушка-церковь, которая призывает спокойно стоять, где Бог поставил, и делать это тем спокойнее, чем громче и злее разгуливается вокруг мир. Не очень получается спокойнее-то, но всё-таки от отчаяния удерживаешься.

***

Теперь всё чаще наши дела будут отодвигаться перед жизнью, перед её скрытой от мира простой сутью.

***

Я пишу после недели больницы... как тут скоро выпадаешь из мира и как мелеют на глазах вчера такие существенные для тебя и «общества» заботы. Там-то скоро и обнаруживается, что главное «общество» – те, кто возле тебя, с кем прожита жизнь. Вдруг даже оказывается, что если ты что и сделал в той «верхней» жизни, то часто именно благодаря им – там, в «машинном отделении», которое заботилось, чтобы твой корабль шёл себе и казался уверенным и неуклонным. И вот когда «машинное отделение» даёт сбой, то всё сразу и наверху становится не очень значительным.

***

Распутину.

Ты для них ещё слово сибирское, которое говорит «России», что она такое – матушка-Сибирь, какое она значение имеет в «ядре» русского государства. Ты для них прикрепляешь Сибирь к России во всю её даль.

***

«Спаси себя сам». Вот уж подлинно пришло время Серафима Саровского: удержишься в свете, не сдайся унынию, и глядишь, и кто-то ещё рядом спасётся. Всё старое толстовское правило: если зло сплотилось, добру надо сделать только то же самое.

***

... Силой радости не возьмёшь.

***

Уходит только лишнее, а самое существенное остаётся и делается только яснее.

***

На нас уже действительно смотрят оттуда: всё ли мы бежим или понемногу поднимаем голову вверх, где другие слова и другие смыслы этих слов. В церкви это обычно слышно лучше, и я, грешный, часто иду туда не по зову души, а по требованию разбежавшегося ума – чтобы остановиться и проверить «дорогу».

***

А нам бы сейчас о свете писать, о любви, о чистоте и радости – предметах позабытых, нарочито осмеянных и повсеместно изгоняемых, потому что в чистых источниках всякая мерзость сразу станет видна, а пока вода мутна, можно успеть «провернуть свои делишки».

***

...Не знаю, где границы, перед которыми необходимо останавливаться в правде. И понимаешь, что правда растёт только из полной правды, и всё-таки поневоле останавливаешься...

***

И не зря прозорливые старики от церкви говорили, что ТАМ с писателя спросится за каждого героя. Сами герои и спросят. Ведь они порой у какого-нибудь Толстого и Достоевского реальнее подлинных людей.

***

Но, кажется, исповедь – это храмовое дело, и она не зря остаётся между священником и Богом; когда же она становится прилюдна, то жди, что непременно что-то утаишь, что-то приукрасишь и на фоне совершенной правды отдельных эпизодов целое накренится и смутит читателя. Он даже и не поймёт, чем смутит, но отложит книжку с опаской и постарается не говорить о ней.

***

А я, грешный, отчего-то думаю, что журналы умирают естественной смертью, как умирает породившее их государство.

***

Беда, что писатель «разжалован» из народных авторитетов.

***

Вдруг явилась старикивская уверенность, что нам и правда надо чего-то говорить, пока мы живы, потому что материя жизни рвётся на глазах, и мы последние, кто помнит, чем она держалась.

***

Теперь для войны не надо иного оружия, кроме интернета. Города можно сровнять с землёй, а уж человека убить – раз плюнуть.

***

Господь действительно обрадуется тебе: а-а, вот человек, не знавший интернета, отворите ему райские врата! Ты войдёшь, а там нет никого.

***

Давай останемся последними, кто ещё читал книжки и писал последние письма.

***

Счастливый дилетантизм вечного деревенского пацана, которому хочется знать то и это, и вон то.

***

Утопия, конечно, но всё кажется, что сегодня наше дело – бросать 90 здоровых овец и идти за одной заблудшей. Иначе у нас скоро будут 90 больных.

***

Никогда ещё мир так не искал двусмысленности в каждом слове и никогда так не успевал в этом. Скорее бы кончилось всё и можно было бы начать жить хоть с какой-то определённой. Только возможна ли эта определённая в мире, который изо всех сил хочет подтвердить пророчества календарей майя о конце света 21 декабря этого года!

***

Распутину.

Сам же я, если не «общественными» словами говорить, благодарю тебя за годы нашего осторожного дружества, за твою бережную требовательность, за счастье совместной работы... И прежде всего – за высокую школу твоей прозы, за неуклонную ясность и духовную твёрдость...

***

Но боюсь, что мы уже все слишком разбрелись по своим «свободам», и всякий призыв к единству будет сочтён возвратом к «тоталитарности».

***

Нам бы только сознать, что и вся-то уж наша жизнь – одна боль, да заботы дня зрение закрывают.

***

Лично-то, как ты, уже боль Родины никто не воспринимает, а только как часть политики. И я, даже и при моём беспечном характере, всё чаще устаю и только и ухватываюсь за церковь, без которой давно бы сдался последнему унынию.

***

От боли жизни лекарство одно – жизнь. Надо ухватываться за неё, потому что с нами живут и они – ушедшие.

***

Хищников не образумишь, но в проектантах, в несметных коллективах, которые разрабатывают ГЭСы, ведь всё-таки живые люди, и до их сердца ещё можно достучаться.

***

Какая-то тётенька прислала мне письмо. Спрашивает, как составить письмо для подписания общественности о передаче всех церковных вещей из музея – церкви. Вот ведь беспокойный народ! Я написал, что сначала надо попробовать «мирные способы» – встречи владыки и музейного начальства, чтобы выяснить, что действительно нужно церкви, а что, может, и в музее не хуже духу послужит, что стыдно начинать войну с музеем, который берёт это «имущество», когда нынешние «подписанты» ещё в атеистах ходили. Да и музейщики теперь первые

прихожане, им обидно числиться во врагах церкви. Ответа не получил. Видно, мой совет не понравился.

***

...Нынешнего умника достаточно привести к фрескам, чтобы он понял, какая вера была у его Родины и держала её, а нынешние эту веру только заслоняют, и фрески это подчеркнут.

***

Оказывается, когда древние делали правилом «ни дня без строчки», они только предупреждали о гибельности перерыва.

***

И про компьютер, про тех, кто пишет на нём, догадался – почему у них тексты плоские. Когда пишешь пером, то держишь ручку щепотью, как при крещении, и тем крестишь бумагу перед явлением на ней слова, а у них плоская клавиатура и пальцы порознь – вот и выходит одно пространство без времени...

Ну что ж, пока живы, будем сопротивляться – и всё стараться крестить бумагу.

***

Грустно, что мир так обрадовался отмене Страшного суда, что так обрадовался возможности разгуляться ещё на пять тысяч лет, ни на минуту не усомнившись, имеет ли в нынешнем своём виде право не то что на пять тысяч, а ещё на десятилетие, потому что окончательно теряет из виду человека.

***

И я что-то стал терять из виду матушку-жизнь, размывается она на глазах, теряет границы, и никак не знаешь, за что уцепиться. Большие цели потеряны давно, а малые так малы, что к ним и стремиться не хочется. Тоже понемногу перестаю писать даже письма – они ведь тоже дети смыслов и цели, а не собрание приветов.

***

Жизнь любит улыбнуться чистыми образами. Да мы её иронии не видим.

***

Жалко, что я сам всё чаще сдаюсь и ухожу в молчание, уставая от лукавства мира, который соглашается с тобой и обманывает этим согласием, продолжая свой путь с запятой, как только ты скроешься из виду, а то ещё и до того, как скроешься.

***

Оказалось, что и простые письма как-то таинственно связаны с нашим сочинительством, что перейдёшь на электронную почту с её голой информативностью и, глядишь, уж и не знаешь, о чём говорить, что «воздух»-то из писем и ушел. И статейки тоже, смотришь, теряют этот «воздух», и работа

перестаёт приносить радость. А уж без радости какая работа? Так, производство. Всё приходится делать силой. Толкаешь, толкаешь себя с утра – и не столкнётся: больше зачеркнёшь, чем напишешь. А сложа руки сидеть как-то стыдно. Вроде пока можешь, шевелиться надо. А всё твоё «шевеление» в словах. Сколько по дому ни возись, сколько летом на дачке ни уставай, а коли не написал странички-другой, то считай, что пробездельничал и хлеб даром ешь.

***

Я всё бегаю от врачей, но стараюсь отбегать недалеко, чтобы они меня совсем из виду не потеряли... Нет, тётушки Тани Лариной знали, что говорили, когда ворчали: «Под старость жизнь такая гадость...» Но отними у нас эту «гадость», мы заропщем и попросим Бога вернуть её нам.

***

Все умны, как смертный грех, блестящи, но один другого в их блестящести не отличишь. Когда жизнь измельчилась и потеряла «большие смыслы», писателям осталось «блестеть» ...

***

А ты будешь в Ясной, загляни в беседку (вернее, сторожевую вышку в углу сада за нижним прудом) и почитай там надписи нашего брата бездельника: сколько там тайной оглядки на Льва Николаича, сколько серьёзности и философии. Не то что у нашего Александра Сергеича. Я даже думал однажды найти издателя... чтобы издать альбом таких надписей из серии «здесь был» из разных усадеб – от Пушкиных, Лермонтовых, Блоков, Толстых. Какое это было бы улыбчивое зеркало из мысли в новом времени! Мы бы и сами увидели себя с неожиданной стороны в этом кривоватом зеркале.

Пушкин на каждый день : [сборник статей] / Курбатов Валентин Яковлевич , Пушкин Александр Сергеевич / Валентин Курбатов. - Псков : Псковская областная типография, 2014. - 477, [1] с. : ил.

***

О нём, как о воздухе, не думаешь, пока дышишь. И только когда перехватывает дыхание, вскрикиваешь: вот! как же я забыл?

***

Разогни на любой странице – и не будешь знать, как остановиться.

***

Будто глядит во все стороны сразу, и всё видит, и торопится всё назвать в этом названном до него мире.

***

Не «отразить» природу, не списать образец, а самому стать стихией, ветром и небом.

***

Как он пишет своего беспечного, полного игры «Нулина» в час, когда его товарищи стоят на Сенатской площади и рискуют жизнью и свободой! Порознь они бы накренили жизнь: он – озорством, они – серьёзностью, а вместе – чудо самооживляющейся жизни, которая ищет социального преображения и не знает, что это преображение одинаково в строгом стоянии друзей и в ликующем смехе «Нулина». Об этом могли догадаться Тютчев и Толстой, но быть этой полнотой мог только он. Они *писали*, а он был.

***

Все, кто пишет о Пушкине... непременно пишут «автопортреты», и это естественно и прекрасно, и Пушкин выходит у всех разный, но обязательно чудно живой, потому что рождается с каждым автором заново и проживает полно. Он каждому из нас «по мерке». Мерная икона России.

***

История – это каждый день! Сиюминутное в ней таинство пронизано далью прошедшего и грядущего. И особенно видно, что минута – только часть вечности между безднами вчера и завтра, только наше дыхание, только биение сердца и кровообращение дня.

***

Наши дни так похожи, но каждый всё-таки один.

***

Юбилей – вещь опасная. Так заговорят доброго человека, что ничего не останется – одно красноречивое общее место. Бывает, что именно юбилеем-то и прикончат: после пира похвал и пересмотра каждой строки под увеличительным стеклом и в руки книги не возьмёшь. Но гении на то и гении, чтобы на них наши законы не распространялись. Попробуй затми Пушкина любым почитанием. Всего наизусть знай, все толкования перечти, а откроешь ненароком — и опять это изумляющее чувство полноты и тайны. Опять как впервые.

***

Для каждого народа это второе благовестие своё и непременно единственное: Шекспир для Англии, Гёте для Германии, у нас – Пушкин. Это уже не раз говорилось, но непременно считалось только образом, смелой метафорой, между тем как тут близость тоньше и реальнее, и нечего загоразживаться опасливыми оговорками. Сказав о «Евангелии от Александра», мы скажем только совершенно полно и всякому сердцу слышно о России, о её культуре, о человеке, о русской государственности, а в конце концов и о русской церкви. «Наше все» без церкви не только не полно, а и просто никакое не «все».

***

После тяжёлого беспамятства мы возвращаемся в церковь, насилу поднимая ещё каменеющую при крестном знамении руку и только открывая свою культуру на страницах, которые казались безнадежно утерянными или вымаранными до полной непрочитаемости.

***

Для Сальери творчество тоже как будто сродни церкви, но он не понимает, что, как только сказал, что красота и форма даются трудом, «усильным напряжённым постоянством», так этот пот на лбу его и выдал, так он приговор себе и подписал, потому что стало видно, что не Божьей воле вверяется, а сам ищет быть создателем, соперником творцу.

***

Вот в чём разгадка – спастись возле классика, припасть в минуту духовного разрыва не к одному святоотеческому преданию, но и, как ни грубо прозвучит, – к светски-отеческому, ведь осмеливался же А. В. Карташев говорить, что Пушкин – есть светское Священное Писание, собирающее русскую душу, и С. Франк назвал гения субстанцией духа нации и говорил, что если бы Пушкин был атеистом, то это ставило бы под сомнение религиозную одарённость народа, а в этой одарённости нам никогда не отказывал и самый лютей недоброжелатель.

***

Михайловское было суждено ему, написано на роду. Сердце было готово давно, ум глубок и ясен, и не хватало только этой неволи, тесноты, монастырской мерности и заточения, чтобы всё собралось разом общими усилиями созревшей души, михайловской природы, русской истории и православной церкви.

***

Здесь (в Михайловском – сост.) он по-настоящему приник к России и проникся ею, здесь научился видеть чистым сердцем, здесь вполне уразумел, что свобода – это духовная верность воле Божьей, здесь первым (и не единственным ли пока в русской поэзии?) увидел, что в предстоянии Богу можно быть не только на путях бытового, исторического и даже мистического православия, а и в служении Поэта.

***

Гений даже и памятником ещё надеется вразумить народ, да только слушать некому.

***

Бежит русский человек врассыпную от себя, своей истории, своей великой культуры, на ходу клянясь ей в верности, с дежурной гордостью твердя о её всемирности, бойко вставляя её в телевизионные шоу, но не живя её духом, не слыша в себе сыновства и ответственности. И вся-то русская культура вот-вот станет только «памятник русской культуре». И это случится не со зла, не от

равнодушия, а только из-за воцарившейся поверхностности и однодневности нашей жизни, из-за ширящейся пропасти между словом и значением, между понятием и чувством.

***

Михайловское плывёт в беспокойных просторах русского океана, как оторвавшаяся страна, как чудный остров – «а живёт там князь Гвидон». Но только мы всё мимо, «мимо острова Буяна»...

***

Да что обо всей стране, когда на самом Михайловском «острове» покоя нет, и имя поэта не соединяет, а делит людей. И там его любовь и свобода есть предмет пререканий и не всегда опрятных расчётов, так что и золотые дни, и тонкие утренние туманы. и яблочные ливни, и выбеленные зноем луга тоже как будто глядят через стекло и могут нечаянно замутиться под недоброжелательным взглядом.

***

Что уж изменишь? Но спросить с себя ещё можно.

***

...Уж кто-кто, а уж Пушкин действительно «наше всё» и уж так вошёл в генетику, что мы и узнаём его как будто не по книгам, а из самого порядка жизни, из самой природы существования, как не из слов узнают Божий мир, его небеса и воды, его травы и облака, везде такие разные, что «своё облако» ты легко узнаешь в чужих краях.

***

Все, что сказано о Пушкине русской мыслью, пройдёт через наше сердце, и каждый непременно прибавит своё единственное слово, и только в этом общем знании всех нас он и вернётся живым, как встарь, и полным, умелым.

***

По существу, у каждого большого поэта есть такая земля. Он может исколесить всю страну и пожить всюду, загоня биографов, приводя их в смятение непоседливостью, но главной, определяющей, единодушно узнаваемой будет одна, где поэт собирается в своё полное Имя. Эта земля всей плотью и памятью сложит его сердце, а он в благодарность назовёт её для каждого сердца, как при крещении, чтобы она уже так и пребывала теперь в судьбе и истории России личной и единственной. Ведь Михайловское и Болдино – это уже не названия сёл. Это часть нашего существа.

***

Бывало, пушкинисты непременно ворчали в Михайловском, что вот Гейченко понаставил цитат на каждом углу – куда ни повороти, глянет четверостишие-

другое. Но директор знал, что делал. «Простые люди» читали и читали их вслух себе и детям, и с изумлением видели, что написанное – вот оно, вокруг, и непременно как-то притаённо смолкали, изумляясь чудной тайне слова, собирающей мир в кристалл.

***

«Наше все» – это, можно быть, лучшее слово Ап. Григорьева о Пушкине и лучшее наименование его великой цельности, которая и восхищает и тяготит нас.

***

Находя всё нового Пушкина, будешь находить всё нового себя, возвращаться в своё утраченное, но всё как будто ожидающее тебя, как блудного сына, райское целое, не ведающее древа познания добра и зла, а только древо жизни и жизни.

***

Всё что угодно, только бы не ужасающий сквозняк вечности, не касание горнего мира, потому что тогда читатель разом оказывается на ветру и чувствует подступающую тоску перед «забавами мира» и чуждость «людской молвы». И сразу бросается обратно – под кров идеи и пользы, в спасательную пазуху быта, под защиту множественности, желанного «как все» ...

***

Судьба и история любят рядиться в одежды случайности, чтобы их не сразу узнали.

***

Он был первый Поэт России. Он был ее последний Поэт. Он был золотой образец, явленный Богом миру как символ лучшего в русском сознании, русском языке, спасительном небесном единстве.

***

...Душа милосерднее разума и не принимает резонов мировоззрения.

***

Великий человек – он всегда на верху горы, и его со всех сторон вместе с семьей видно, и о нем кто хочешь, тот и суди: гений – достояние общее.

***

За серьезность отношения к Богу первым платит серьёзный.

***

...Единственный верный способ благодарности почитаемому человеку, гению есть исповедание его правды, следование его мысли, подтверждение этой мысли жизнью.

***

Приедете в Михайловское – увидите Пушкина: эти поля, небеса, свет, простор, поднебесный полёт и невольное счастье.

***

Ничего в себе не предашь и не уступишь, если не хочешь опустошить себя.

***

Как страшно глубоко может заглянуть слово!

***

А Пушкин из горней своей выси все глядит на родную землю и сквозит в каждом слове, и поэты не могут не оглянуться, словно проверяя себя цитатой, вглядываясь, как далеко (и в лучшую ли сторону) ушли.

***

Когда ускользает жизнь, рвётся коренная связь, поэт тотчас чувствует, как легчает его мысль, как она делается ослабленно ненадёжна и почти бессознательно «подвёрстывается» к цитате, ухватывается за авторитет гения и провозит свои пустяки контрабандой.

***

Наверное, тайна и чудо русского слова в том и состоит, что оно помнит жизнь твёрже нас.

***

Смех есть знак лёгкости и свободы.

***

...Человек из любого края России сразу радостно узнавал в воздухе Михайловского эту цельность и понимал, что он – дома.

***

Мы вдруг отчетливо увидели свою историю, её раскидистое богатство, её яркую плоть, но увидели уже будто со стороны, в книжной и музейной витрине, словно все разом оказались не возвращены в дом, а вытеснены из него, и всё, что ещё вчера было простой органической жизнью, стало предметом экспозиции, мы стали много говорить о Родине и клясться ей в верности, что обычно тоже черта изгнанническая – вместо того чтобы жить, утешаться благородными рассуждениями о жизни.

***

Но в реальности наше сердце оказалось консервативнее ума и пугалось пустоты и мучающих глаз переделок.

***

Не умеет писатель быть скрытным... Так юноша после свидания мучается желанием рассказать об этих золотых минутах и наконец, не в силах молчать, обращается чуть не к прохожему.

***

Человек втянут в зловонную воронку публичного существования и медленно забывает себя.

***

Да это и по фотографиям... видно. Как видишь, так и снимаешь. Любишь – и лица ненаглядны, а холодна душа, так ты хоть ангела небесного снимай, а он всё будет не теплее покойника.

***

...Человек, избирающий Пушкина настоящим предметом исследования, проходит важнейшее духовное испытание...

***

Поза Пушкина в портрете Кипренского была изящна, горделива, независима, но сразу делалось очевидно, что сердце не защищено, что его не заслонить ни взглядом слишком красноречивых глаз, ни крепкой рукою с синими арапскими ногтями.

***

Кипренский сделался бессмертен, как бессмертна была великая модель его. В золотой час прозрения художник рассмотрел гениальную душу и отозвался ей всею культурой умнейшего европейца и всем именно русским сердцем.

***

Судьба порою бывает добра к таланту и так устраивает его биографию, что вся эта биография кажется неукоснительным движением к главному, вершинному творению. Как только predetermined работа выполнена, судьба оставляет своё попечение о человеке, и он, теряя нить, путаясь, мешаясь в словах и поступках, скоро уходит – и как часто в нищете и забвении...

***

Культура не знает возрастов. Это только для удобства классификаторов мы делим её, как историю, на античную и классическую, ренессансную и современную, а внутри она течёт себе единой рекой, и Сафо в ней сверстница Ахматовой, а Катулл обнимает Петрарку, и они вместе братски кивают Пушкину.

***

Он, как многие из одаренных людей его поколения, дал себе образование сам (или взял его – не знаю, как сказать вернее), вышколив вкус и научившись с молодых ногтей не тратить силы на случайное чтение...

***

Мы успели позабыть, что слово не просто соединено с живой землёй и живым чувством, но и само есть земля и чувство.

***

В диалоге этики и эстетики, который от века определяет существо и высокую зрелость искусства и в равновесии своём зовётся гармонией, всё отчетливо переломилось. Разгулявшаяся эстетика теснит бедную этику и даже как будто стыдится её.

***

И все наши аллюзии, эзоповы тонкости – только отмычка там, где у Пушкина открыта дверь в полноту света и неба.

***

... Так уж устроено наше сердце, что каждый день для него нов и единственен и ищет завершения в себе.

***

... Пушкин – это замысел Бога и о тебе, в Пушкине ты содержишься весь, и в нём ты и в пору разорения не сирота, у тебя есть семья, родина, любовь.

***

Пушкинский театр первым после исторического слома последних лет становился общественной школой ...

***

Мы давно повадились говорить об энергетике, биополях и об ауре святых мест. Это стало модой и несчастьем. Люди с осторожными глазами, оглянувшись, не видит ли кто, приворовывают сегодня эту энергетику в Тарханах, Спасском, в Ясной и, конечно, в Михайловском. Из Михайловского её вывозят беспощинно с особенным размахом, потому что здесь её запасы неисчерпаемы. Пусть везут. Не жалко. Глядишь, однажды увидят в своей внутренней тьме не отвлечённую «энергетику», а золотой пушкинский свет и поймут, что они тоже только участники дящегося, счастливого, молодого пушкинского театра, занавес которого не закрывается здесь вот уже скоро двести лет.

***

А всё-таки над Пушкиным не потешишься. Он со своим шестисотлетним дворянством и двенадцатью святыми в роду спокойно отряхивает забавников и

напоминает о свете нашей души. Правда «выше» (на несчастье неизживаемых Сальери) – есть! Никуда не девалась.

***

...У Пушкина музы дружества и поэзии шли рядом...

***

Когда Михайловское от тебя в ста двадцати километрах, грешно время от времени не оказываться там на день-другой. Находишься, нагладишься, набубнишься пушкинских стихов, которые выбегают ещё из школьной памяти, и опять можно жить.

***

Я не сразу понял, отчего это, пока при невольном обширном по долгу своей критической службы чтению не стал замечать, что проза понемногу вытеснила пейзаж, как досадную помеху действию. Постаревшие «деревенщики» ещё помнят и, как могут, берегут его, но они в общей лавине сегодняшней литературы уже необратимо заслонены стеной новых имён и новых течений.

***

Никогда уже это не перестанет болеть в русском сердце – как принять Л. Н. Толстого в полноту русской культуры с его противостоянием церкви? Как мы ни притворяйся целыми, а эта трещина не заживает и всё обходится, как стыдное место. И никак это уже «яко не бывша» не сделаешь.

***

А отчего же единства-то при всей глубине частных суждений всё-таки нет, и мы разъезжаемся с тонким чувством неполного удовлетворения? А оттого, как всё чаще понимается, что мы этого единства пока по-настоящему и не ищем, словно устали от его принудительности в прежние годы и теперь не нарадуемся возможности «по своей воле пожить».

***

Мир спрашивает не с политиков (они увёртливы), не с церкви (она слишком осмотрительна и сознательно выходит из повседневной жизни). Он спрашивает с писателя. Ждёт, когда тот назовёт реальность по имени, чтобы, как только назовёт, накинуться на него, в том числе и политикам, и церкви, словно он не описал, а породил эту реальность.

Так было с Львом Николаевичем. Так останется с каждым не играющим, а живущим полнотой слова литератором.

***

Во всяком ряде числительных, связанных с творчеством гения, непременно мнится неумолимость замысла, особенно если промежутки между датами мерны, как твёрдый шаг уверенного человека...

***

В игре разума нельзя задерживаться слишком долго.

***

Но разум слишком властен, чтобы уступить вере. Ему всё самому надо разрешить. Здесь разрешить. В земных пределах. Последний ясный ответ получить.

***

О Л. Н. Толстом.

По строю духа, по призванию он был Савонарола и Лютер, да ошибся веком, и весь подвижнический пламень и горячее схимничество своё израсходовал на борьбу с собой и с человеком, каким он его видел, не прощая ему слабости и всё время в гневе «заступая черту», что вызывало естественную самозащиту человека и церкви.

***

Ведь исповедь не зря в церкви разрешается сначала молитвой священника «Властью, данной мне...», а потом соединённым со словом, неотъемлемым от него причастием, присоединением части к целому, принятием святых тайн. Принятием, а не обдумыванием, не истолкованием, не возгреванием в себе объяснительных рассуждений, ибо это тайна, а, объяснённая, она уже не тайна, а очередное повседневное человеческое дело.

***

Вот оно как повернулось: старые книги и перечитывать стало страшно. Как грозное зеркало, они обнажают то, что мы сговорились прятать.

***

В том-то и чудо, и право, и сила Достоевского, что он своим героям спуска не даёт, не позволяет спрятаться за маской, а до последнего дня досмотрит, где уж от человека вроде и не останется ничего, а потом его же и поднимет.

***

И правда не бывает вчерашней и завтрашней, она одна вовек, и, слава Богу, русская классика, как встарь, не даёт позабыть этого и учит держать глаза открытыми.

***

Мы все сегодня наперегонки от самой высокой власти до волостной только и говорим о возрождении России, а прочитаешь рассказ, другой, третий – и тут и увидишь, что как было – уже вовек не будет, что возрождение не возвращение, а только прививка к крепкому стволу минувшего, а расти-то нам совсем в другую сторону. А оттого, что не видим, в какую, всё одними разговорами и кончается.

***

И мысль, и быт, и словарь – всё медленно отплывает в дальние поля комментариев и сносок.

***

И вот ещё дорогое качество хорошей работы – ты будто не впервые видишь её, а «вспоминаешь», словно некогда знал да позабыл, а вот теперь узнаёшь, заставляя на лице старую улыбку.

***

Грустно, что русские книги всегда сбываются.

***

Кажется, всё время, до самого нынешнего дня, Бунин в русской литературе – заноза беспокойная и при безусловном его месте в классиках – всё имя неудобное. И именно по той самой причине, что окончательно не определено, как же он относился к родному народу, по которому мы всё числим себя, малейшие укоры принимая на свой счёт.

***

Это общая черта – молодому писателю часто кажется, что коли со стариком в прозе совладаешь, то уж ничего не страшно. А выходят часто ряженые.

***

Но не самое ли необходимое – понять в писателе его тоскующую боль, не примкнуть к дружному хору тогдашних противников и нынешних панегиристов, а вслушаться в отчего-то всё не стареющий спор и определить, почему это он не стареет, почему всё опять уходит в слова и взаимные обвинения?

***

Тяжелая это болезнь – беспамятство, страшная по результатам и опять нас ничему не научившая, потому что снова мы предпочли терпеливому сбережению своих преданий свист в четыре пальца вослед всему, что ещё вчера казалось предметом гордой родовой хроники.

***

В страдании русский человек может быть терпеливее многих иных народов, а в труде – ни в какую.

***

Да, многое ушло навеки и подлинно больше не будет той России, которую он знал и которую остановил в такой красоте и силе. Нет уже чего-то самого коренного, чем все они жили и что знали. Но когда (я пишу это в конце мая) забьется перед утром и рассыпет свою сверкающую, росно-алмазную, как неудержимая нитка просыпавшихся ликующих бус, песню соловей в сорных кустах над мелкой

Мирожкой в Пскове и бабушка перед утреней потихоньку спросит: «Соловьев слышали?» – и улыбнется как тайне и радости, то все подступившее было после чтения отчаяние и согласное чувство невозвратности прекрасной русской жизни отлетит, и ты опять дома, и Россия стоит за окном в ожидании опаматования, и лечит тебя этим утром и золотым бунинским словом, и возвращает надежду на долгое и достойное этой страны и этой культуры будущее.

***

...С неизменным табуном второстепенных поэтов, без которых, как без воздуха, высокое искусство не живёт...

***

При жизни мы можем и пустыки выращивать до неба, и заслоняться друг от друга, не подавать руки, числиться в разных станах, а в истории все преграды обретают свою настоящую величину и оказываются настолько не видны глазу, что наблюдатель без усилия и без нарочного желания примирить отдалённое видит на месте мнящихся современникам противоречий сомкнутое единство...

***

Нельзя отлетать от скуки жизни слишком далеко, спрашивая с мысли больше, чем она в состоянии дать.

***

Она (*А. А. Ахматова – сост.*) – лучший посредник петербургской и ленинградской культур и разделяющих их десятилетий.

***

Таково уж свойство памяти: она торопится перевести отошедшее в слова, в плоскость картотеки – так ей удобнее хранить минувшее.

***

Мистификация – высшее наслаждение мысли...

***

Это, пожалуй, ещё один аспект изувеченного времени: мы повредили механизм восприятия. Мало того, что книги задерживаются на полстолетия и надо латать временной разрыв, чтобы прочесть и первый раз (смоделировать, как они читались в пору их рождения), и восстановить чтения, которых не было, но которые, собственно, и делают книгу, когда она спокойно старится с человеком, развиваясь и мудрея вместе с ним. Нет, надо ещё пробиваться к тексту через опережающую мифологию. Сначала ты кормишься слухами, потом тебя достигает первая, обычно наиболее мучительная информация об авторе: арест, голод, смерть на этапе – и уж только потом обрывками в бездне опечаток самиздатовские рукописи. Чтение оказывается с порога искажено, потому что ты читаешь не стихи, а документы сопротивления, и сам акт твоего чтения вызывающ и тайно надменен. Ты до смысла

стихов ловишь в них тень противостояния и разделяешь в первую очередь именно эту тень. Чтение из художественного становится политическим актом. У многих из нас порою дело так этим сопротивлением и кончается. Книга оказывается, по существу, непрочитанной и, выполняя политическую роль, не выполняет главной – художественно-этической.

***

Трудно быть академически покойным, когда всё ещё живо ранит сердце и когда чувство справедливости ещё ищет утolenия.

***

Нас сейчас как раз искусственная образованность и выдаёт. Настигнув в ассоциации слишком зримую параллель, мы радуемся ей так громко, что невольно спугиваем следующую, может быть, более богатую.

***

Это неправда, что поэты ищут одиночества. Они как раз менее всего способны к этому способу миропонимания и существования и как раз более других ищут согласия, уверенности, устойчивого круга, системы. Не зря каждый значительный поэт – автор поэтики, философии мира, собеседник космоса.

***

Кажется, мы уже никогда не узнаем, как читать Андрея Платонова. Ключ упал в воды времени и сгинул в их холодной глубине. Он приходил к нам вестником рождения какой-то небывалой цивилизации, которая так и умерла в родах, оставив в небе только страшный, счастливый, мучительный крик и кровавую тайну разрыва.

Эхо этого крика было так грозно, что время попыталось вначале забыть его.

***

Тайна этих надолго вперёд живых книг, кажется в том, что их закрыть нельзя. Нельзя отослать в историю. Они сами откроются и будут жить даже и без читателя, потому что полны внутренней мыслью, как самостоятельной энергией.

***

Оказывается, каждая вера – страдание. И каждый искренний путь – крестный. И как всякий крестный путь, это путь русский, христианский путь свободы и воскресения.

***

И вдруг я ловлю себя на странной мысли, что по-настоящему большие, духовно значимые книги приходят всегда в свой час жизни и одного человека, и целого общества.

***

О Пушкине.

Он подлинно был первой нашей и последней эталонной в чистоте культурой.

***

Не каждой земле выпадет честь нести в себе национального поэта.

***

К Михайловскому не привыкнешь, оно уже так и останется местом открытия и укора, местом освобождения и связанности, местом прощения и суда.

***

Уж это так: куда ни едешь, а ревнивое твоё отечество непременно потянется за тобой с неразлучностью тени.

***

Чудо и тайна настоящей поэзии в том, что и нас на краткое мгновение чтения посещает священный ужас прикосновения к Божьему велению, которому послушна муза поэта.

***

О Шукшине.

Не будет ни обиды, ни неправды, если сказать, что он не был только писателем, хотя деревенская проза и числила его своим, и сам он себя по этому «ведомству» проводил. В том-то и секрет, и сила, и тайна, и чудо его жизни, что он писал, играл, ставил свои фильмы, ни на минуту не выводя себя на позицию только «автора», властителя текста или киноматериала. Он всем этим *жил*.

***

Это как будто и вообще свойственно русским художникам – сбиваться на прямое участие в сочинении...

***

...Свою правду в себе не удержишь.

***

Вот и это, видно, придётся поставить времени в строку – оно разлучает нас с памятью и полнотой мира.

***

Выровняешь душу в храме, высветишь небесным светом, а вышел на улицу – там после света только темнее. От этой тьмы глаза не закроешь.

***

Только бы помнить то, что так хорошо слышит христианское сердце... – что ни от одного горя не спрячешься и что спастись самому и спасти другого можно, только глядя беде прямо в глаза. И что осветить и благословить жизнь можно только светом креста.

***

Может, по московской поэзии и меряется высота культуры, да зато по провинциальной нечто более важное – живая душа нации, её песенная генетика, её природный духовный запас, её недра.

***

Беда только, что всякое противопоставление ложно, ибо хоть Истина и одна, но она одна в небесном смысле, как Та, что неузнанная стояла перед Пилатом, а в земном – увы, всё пестрее и потаённое.

***

Судьба русского поэта не сверяется с пропиской. Она ищет Поэта, и, боюсь, договор их обоюден и поэт знает, в какую дорогу выходит, принимая на себя это звание.

***

И пока пишут русские поэты по своим углам свой дом и русского человека, народ не безличен и не позволит попирать свою славу и историю, и всё будет выситься и звучать среди других народов своим голосом в Божьем хоре и своим голосом просить у Бога воды и хлеба, не бегая за обносками чужих идей и чуждым способом существования.

***

Жизнь на земле самым простым порядком своим, где всему есть место, научает поэта принимать человека осмотрительнее, не торопиться с приговором...

***

Ну вот, подошла пора, когда становится больно читать книги сверстников, словно в них для тебя образ утрат, а не приобретений, словно они безжалостно свидетельствуют о тщете твоей долгой жизни или о её неполноте, а более всего – о необходимости глядеть экономнее, потому что засквозили итоги, замаячил конец пути, конец общей дороги, по которой мы долго и беспечно валим вместе, гурьбой, поколением, а потом как будто «редеем», теряем спутников, чтобы последний, самый тяжёлый участок дороги пройти в одиночестве или, если Господь наградит таким счастьем, – вдвоём с Ним, когда другой собеседник не нужен, ибо уже не поймёт или не ободрит тебя, как Этот. И сами книги становятся прозрачнее и строже, как вода осенью.

***

И, конечно, так естественно, что стихи кратки, – озарение не длится долее взмаха молнии. Что при этом слепящем взмахе увидел, то и правда, а остальное, коли пустишься развивать, выдаст своеволие.

***

...Поэзия – дитя Божье, дочь вдохновения, рождающаяся, как Афина Паллада из головы Зевса, сразу в сверкающих доспехах формы.

***

Поэт не может, как добросовестный прозаик, похвалиться, что садится за стол в одно и то же время, поставляя страницы с усердием мастерового, хотя бы и великого, как Флобер. Какая уж тут Муза? Прачка! У поэзии со столом отношения враждебные, она вообще не знает о его существовании и предпочитает нечаянные свидания.

***

Кажется, в этих отношениях хозяин не поэт и Муза застигает его в мгновение, когда он более всего беззащитен перед миром.

***

Знаю, знаю, что нельзя уравнивать поэзию и биографию, как бы они ни казались сцеплены, а всё-таки и не разведу их, потому что тут опыт единственный, тут сплав неразрываемый, так что временами кажется, что поэт бы и сам не допустил обобщения, не уступив своего.

***

Страдание – безжалостный учитель.

***

Он – наше оправдание перед миром. И подлинно и святые не утешили бы нас, если бы мы не знали этого счастливого, навсегда спасительного для русского сердца имени – Пушкин!

Фотография предоставлена заведующей детским отделением Центральной библиотеки – Центром культурного наследия В. Д. Берестова №197 ГБУК г. Москвы «Объединение культурных центров Западного административного округа» Марианной Александровой

Медалью Курбатова награждена ГБУК «Псковская областная универсальная научная библиотека имени Валентина Яковлевича Курбатова» за заслуги в увековечивании памяти и творческого наследия писателя, критика, лауреата Госпремии РФ Валентина Яковлевича Курбатова

ГБУК «Псковская областная универсальная научная библиотека имени Валентина Яковлевича Курбатова» благодарит за участие в проекте волонтеров Татьяну Иванову, Алёну Гапееву, Ксению Поликарпову.